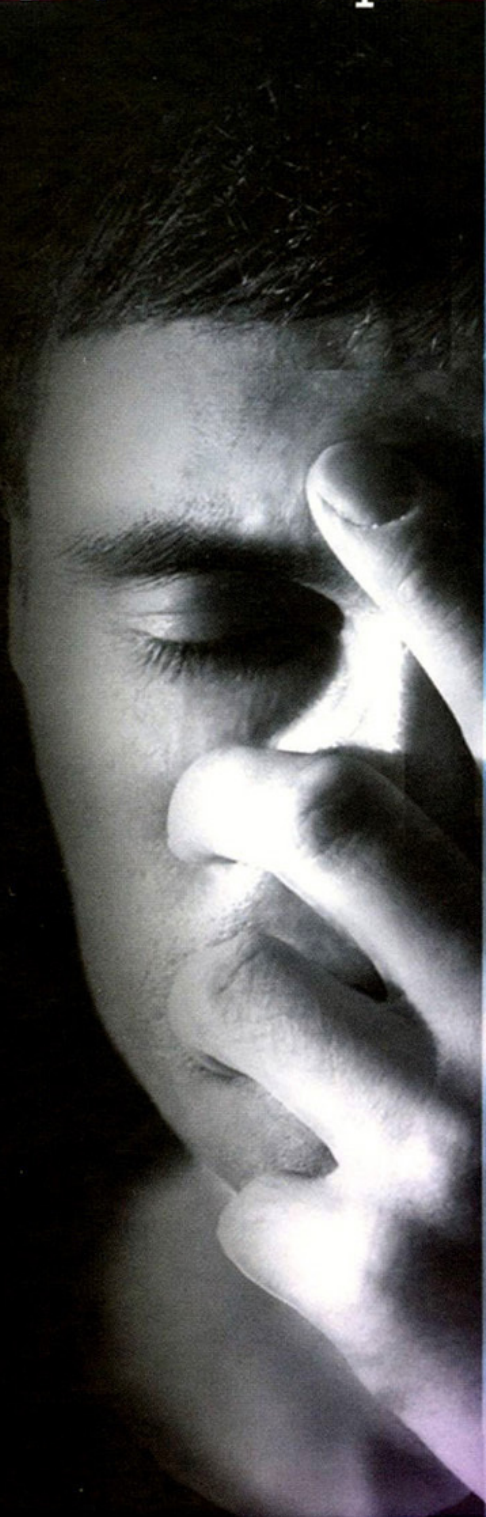

Игорь Харичев

В ГУЩЕ
ЧУЖИХ
ОЩУЩЕНИЙ

Игорь Харичев

В гуще чужих ощущений

«Автор»

2018

УДК 882-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Харичев И. А.

В гуще чужих ощущений / И. А. Харичев — «Автор», 2018

Главный «герой» романа – будущее изобретение, которое всерьез изменит повседневную жизнь землян. Появится возможность напрямую получать ощущения других людей. Ощущения известных людей, ощущения тех, кто рискует жизнью, испытывая самолеты, штурмуя горные вершины или морские глубины, ощущения тех, кто покидает этот мир... Сама возможность воспринимать чужие ощущения названа «ощущизм», поскольку изобретение сделано человеком, связанным с Россией. Роман написан в форме рассказов-признаний от имени самых разных людей, представителей разных профессий, живущих в разных странах. Все они, так или иначе, связаны с ощущизмом – это их профессия или увлечение. И оказывается, что изобретение имеет не только положительные, но и отрицательные стороны. Эта книга о том, сколько неожиданных возможностей, а вместе с ними и новых опасностей могут приносить важные открытия. И о том, что умножение возможностей совсем не гарантирует счастливой жизни.

УДК 882-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Харичев И. А., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Мариэтта Чудакова	6
В гуще чужих ощущений	10
Глава 1. Рождение ощуцизма	10
Глава 2. Поставщик ощуцизма	15
Глава 3. Радость ощуцизма	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Игорь Харичев
В гуще чужих ощущений

© Союз писателей Москвы, 2018

© Харичев И., 2018

* * *

Мариэтта Чудакова **О прозе Игоря Харичева**

1.

Скажу не чинясь – каждую новую книгу Игоря Харичева читаю не отрываясь. Всегда завалена работой, в значительной части срочной. Но – все в сторону, сижу и читаю... Как человек, склонный к аналитическому мышлению, пыталась разгадать секрет. Рискаю вогнать читателя в скуку, решаюсь поделиться результатами анализа.

Итак, это – фантастика. К тому же – научная. Лично я, читая, постоянно ощущаю, что Харичев по образованию – астрофизик, а не гуманитарий вроде меня, грешной...

И так ложатся карты, что для полноты анализа придется мне ненадолго углубиться в мои личные отношения с фантастикой – не обессудьте и не сочтите за саморекламу!

2.

В незапамятные школьные годы, особенно в 5–6-м классах, я ею зачитывалась.

В то послевоенное время фантастика плотно увязана была с литературой приключенческой – от нее практически не отделялась. А главенствовал там некий Николай Томан (1911–1974), родившийся в Орле, в семье ремесленника А. Анисимова, но воспитывавшийся в семье латышского коммуниста Томана, фамилию которого впоследствии и взял.

Писал он главным образом о том, как западные злые люди охотились за советскими изобретателями-патриотами.

...Одно название запомнилось, видимо, на веки вечные – «Что происходит в тишине» (1946).

Ну, и дальше – «Взрыв произойдет сегодня» и «Секрет “Королевского тигра”» (1948). И особенно – «Просчет мистера Бергофа» (1950) – в ней американский шпион пытается (но просчитался!) уничтожить советские посевы с помощью специально выведенных насекомых-вредителей...

Я читаю эти книжки с увлечением – приключенческий сюжет тащит за собой. И вдруг я вычитываю где-то такую информацию – оказывается, человек за жизнь может прочитать считанное количество книг! (Цифру не помню, но хорошо помню, что много лет спустя она нам с Александром Чудаковым казалась резко преуменьшенной).

Я прихожу в ужас. Значит, я могу НЕ УСПЕТЬ в течение жизни прочитать какие-то самые важные книги!.. Что же делать?.. У меня хватает ума понять, что выгородить время для чтения бесценных книг можно только путем отказа от чтения менее ценных...

И я принимаю крайне болезненное для меня – двенадцатилетней – решение: полностью отказаться от чтения «советской» (я не раз поясняла, почему слово «советский» всегда помещаю в кавычки) фантастики. И бедный Томан навсегда исчезает из моей читательской жизни...

Теперь – вопрос для любителей разгадывать психологические загадки: как я в 12 лет, горячо любя эти книжки, почувствовала в них – на подсознательном, конечно, уровне, – что-то недоброкачественное, из-за чего ими стоит пренебречь, освободив время для безусловно ценного?.. Лично я ответа не знаю до сих пор.

3.

Прошли годы и годы. На 5-м курсе филфака МГУ один приятель спрашивает меня, читала ли я кого-то из современных фантастов. Я гордо отвечаю, что не читаю фантастику с 6-го класса.

– Вот и напрасно, – говорит мой умный приятель, – за эти годы появились замечательные фантасты – Лем, Брэджэри, Айзек Азимов...

Я бросаюсь их читать. Прихожу в непрерывный восторг. Конечный результат глубоко удивляет А. Чудакова и меня самоё – я пишу несколько фантастических рассказов и даже объединяю их в цикл – «Мирные досуги инспектора Крафта». Пишу исключительно для собственного удовольствия (и сполна его получаю). Печатать их я не собираюсь.

4.

Теперь – к очень давней моей мысли, которую решила наконец впервые высказать здесь, в предисловии к замечательной книжке Игоря Харичева «В гуще чужих ощущений».

Существует ли жанр фантастики, включающий в себя нечто совсем необычное, резко отличное от нашей земной жизни?

Думаю, что нет.

Ничего более фантастического, грандиозно-непостижимого, чем реальная жизнь человечества, придумать просто невозможно.

...Помню, как в младших классах впервые услышала я оглушительную новость – что Вселенная не имела начала и не будет иметь конца... При этом не только во Времени, но и в Пространстве. Дополнительным ударом было то, что этот несомненный факт абсолютно невозможно было себе представить.

Несколько дней я с этим все обрушивающим знанием засыпала и просыпалась. Потом притерпелась. Но в течение жизни нет-нет да и задумаешься над тем, что эти непостижимые факты не только реальны, но еще и принципиально недоступны нашему воображению... И все мы живем свою жизнь, твердо все это зная...

И мы еще рассуждаем о какой-то фантастике в литературе?..

5.

Пожалуй, Время – главная тема Игоря Харичева, главный его интерес. В сборнике 2013 года «Мы и Россия. Размышления о нас и нашей стране» – рассказ «Мужские игры со временем. Очень правдивая повесть». Ну, естественно, изобретают очередную (сколько их было в мировой литературе...) машину времени. Для эксперимента запускают в прошлое несчастного котенка. Ну, естественно, вскоре пред наблюдателями появляется взрослая кошка... Ну, а потом отправляют в прошлое эталонный список. Ну, сами понимаете – список тех, кто хотел бы улучшить свою жизнь, и при этом по роду службы находится вблизи новоизобретенной машины времени. Список возглавляет директор секретной-пересекретной службы... Его заместитель берет сверхсекретный конверт, идет в свой кабинет, достает из сейфа загодя приготовленный дубликат конверта с одним отклонением – вместо фамилии директора там фамилия его заместителя...

Ну, а дальше?.. Список был передан в прошлое вместе с тремя отправленными туда фальшивыми милиционерами. «В ту же секунду заместитель директора исчез. Судьба его сложилась иначе. Теперь он сидел на террасе своего особняка в предместьях Ниццы вместе со своей

пятой женой, совсем молоденькой, глупой, но красивой, и пил кофе с только что испеченными круассанами...

Зазвонил мобильный в золоченом корпусе. ...Сбивчивый голос давнего знакомого сообщил ему, что рубль рухнул. Олигарх, которому за минувшие два десятка лет мысли не приходило просиживать разные кресла в СССР, небрежно ответил: «Мне на это наплевать». Томно улыбнувшись жене, он с аппетитом доел вкусный суп».

6.

...И вновь про время, про возможность его переключения...

А почему бы и нет, спросим себя в упор, если мы размещены внутри Вселенной, никогда не начинавшейся и никогда не достигающей конца?..

Герой романа «Своя вселенная», оставаясь в своем городе, попадает, идя по переходу в метро, в параллельные миры – сначала в один, где в 1991 году победил ГКЧП и СССР живет себе и процветает, потом в другой...

А в том романе, который вы сейчас, надеюсь, начнете читать, перемещений во времени нет.

Там человек – а затем и много людей, пожелавших воспользоваться поразительным изобретением, – переселяются, не навсегда, а на время, и исключительно по своей воле, только для собственного удовольствия, – в мир чужих ощущений...

Здесь новая черта в творчестве Игоря Харичева – никакой помимовольности, никакого насилия над личностью!.. Просто как яблоко – один человек сидит и ест что-то очень вкусное, а другой, находясь далеко от него, надев специальный шлем, испытывает его ощущения – будто сам ест это вкусное...

А для любителей сильных ощущений – реальные чувства альпиниста, сорвавшегося в пропасть...

Придуманно для этого и специальное слово – немного неуклюжее, но цепкое – ощуцизм.

Твердой рукой ведет нас автор в нужную сторону – и того и гляди, кто-то реально сделает тщательно описанное им открытие...

«Благодаря ощуцизму мир стал добрее. В самом деле, если вы можете ощутить всё то, что ощущают самые богатые люди Земли, платя при этом совсем другие деньги за какие-то вещи или удовольствия, вы не станете завидовать им, чувствовать себя обойденными или, что еще хуже, неудачниками. Вас никогда не заразит ненависть, если вы получите возможность разобраться в ощущениях человека с другими взглядами. Ощущения жертвы, прочувствованные преступником в качестве наказания, заставят его навсегда отказаться от насилия».

...Эта последняя мысль заставила меня вспомнить идею, с которой я носилась в юности. Я решила тогда, что многие люди совершают свои мерзости от отсутствия воображения. Если бы человек, убивающий юношу или девушку, мог вообразить себе реально страдания его ни в чем не повинной матери, – думала я, – он бы никогда этого не сделал...

Должна сказать, меня затронули некоторые совсем простые замечания автора этого сочинения. Например – для человека верующего «важен вопрос: делает ли он что-то, что противоречит христианской вере?»

Да, Иисус Христос не говорил в своих заповедях про ощуцизм, но это ничего не значит. Он не говорил, к примеру, про загрязнение окружающей среды. Но мы прекрасно знаем, что те, кто загрязняют, творят зло, а экологи представляют сторону добра».

7.

И под конец.

Читая с увлечением новый роман Игоря Харичева, наткнулась неожиданно на фрагмент, весьма близкий к той мысли, с которой начала свое предисловие»:

«Вы, конечно, знаете, что Вселенная бесконечна. Так вот, меня пугает, когда я пытаюсь представить ее беспредельность, ощутить свое место в ней. В бесконечной Вселенной мы ничто. Но мы не можем быть ничем. Мы – люди. Бог дал нам жизнь».

На этом, пожалуй, и закончим.

В гуще чужих ощущений *роман в рассказах-признаниях*

Глава 1. Рождение ощуцизма *Рассказ изобретателя*

Меня давно просили поведать, как появилось изобретение, коренным образом изменившее жизнь в масштабах всей планеты. Но у меня не было времени. Вы, надеюсь, понимаете, как трудно руководить большой, бурно развивающейся корпорацией, открывшей отделения в большинстве стран мира, занимающейся производством широкой гаммы принципиально новой продукции. Теперь структуры выстроены, работают надёжно и эффективно. Я могу немного передохнуть. И найти время для рассказа.

Всё началось одиннадцать лет назад. И знаете с чего? С творожных сырков. Да, представьте себе, изобретение, изменившее мир, давшее начало ощуцизму, породили глазированные сырки. Ну, и... моя голова.

Почему сырки? Дело в том, что мой сын покинул тогда Россию и обосновался в очень далёкой стране – Новой Зеландии. Там было всё, что нужно для достойной жизни: приветливые люди, налаженный быт, хорошие порядки, прекрасные пейзажи, экологически чистая еда. Но не было одной малости: глазированных сырков, которые мой сын любил с детства.

Мы с ним часто общались по скайпу, и он говорил мне о своей тоске по сыркам. И однажды я спросил себя: «Почему я могу передать свои мысли, своё изображение, свой голос, а творожный сырок – не могу?» Мечта о телепортации – старая мечта человечества. Поначалу я думал о том, как сделать её реальной. Хотя бы для сырков. Позже возникла другая мысль: а что, если для начала научиться передавать ощущения в режиме онлайн? Скажем, я ем творожный сырок, а все остальные, кто получают мои ощущения, чувствуют всё, что чувствую я. До мельчайших нюансов. Тотчас я понял, что если эти ощущения удастся передавать в режиме онлайн, их можно, кроме того, записать, и тогда каждый, кто пожелает, воспроизведёт их в тот момент, когда ему захочется и там, где ему удобно. Это казалось перспективным.

Я взялся за работу. Не выходил из лаборатории по нескольку дней. Прежде всего требовалось выяснить, как мы получаем ощущения. Ясное дело, сигналы от органов чувств поступают в мозг. Однако я должен был узнать, в какие именно области мозга приходят сигналы от конкретных органов чувств и каковы эти сигналы. Как они связаны с теми или иными ощущениями? Это заняло около двух лет. Теперь можно было приступить к созданию экспериментальной установки – моих знаний и опыта для этого хватало.

Ещё через год я создал её. И тотчас вызвал сына. Через неделю он прилетел в Москву, я сразу привёз его из аэропорта в лабораторию. Усадил в соседней комнате, надел на голову принимающий шлем, а сам – с передающим – устроился за стенкой и начал есть глазированный сырок. Свежий, вкусный, только что купленный. Я съел его с огромным удовольствием. А потом пошёл к сыну.

– Как? – небрежно поинтересовался я.

– Грандиозно, – с восхищением проговорил он. – Как будто я съел его сам. Как тебе это удалось?

Я снисходительно улыбнулся:

– Три года неустанной работы.

– Три года... – задумчиво повторил он. – Это интересно, даже потрясающе – то, что ты придумал. Только зачем?

– Ничего ты не понял, – спокойно проговорил я. Мне-то уже было понятно: так можно наслаждаться любой едой. И при этом не получать лишних калорий. Человек наслаждается, а при этом ни единой калории! Наслаждайся сколько хочешь, чем хочешь, где хочешь. Без малейшего ущерба для фигуры. Мечта гурмана. Я уже задумал создать библиотеку ощущений от употребления самых разных блюд всех кухонь мира. Кстати, недавно я завершил осуществление этой мечты. Столько лет на это ушло. Зато теперь каждый может использовать содержащиеся в кулинарной библиотеке десятки тысяч записей, чтобы ознакомиться с разными кухнями и самыми экзотическими блюдами. Рай для подлинных ценителей изысканной еды. И поваров, которые хотят добиться полной аутентичности своей продукции.

Успешная работа экспериментального образца требовала дальнейших шагов. Я не стал создавать предприятие в России. Зачем мне лишние проблемы? Там, если ты создал успешное предприятие и у тебя нет «крыши», то есть каких-то значительных людей в правоохранительных органах, его отнимут в два счёта, а будешь сопротивляться, окажешься на долгие годы на нарах. А крыше надо платить, и немало. К тому же она и не даёт полной гарантии – те, кто позарились на твоё предприятие, могут оказаться сильнее. Я об этом знаю не понаслышке. Один мой приятель отдал две фирмы. За так. Одну – в конце девяностых, бандитам. После того как ему взорвали машину, он понял, что лучше уступить. А вторую отняли милиционеры уже в начале этого века. Он подписал документы на передачу после того, как просидел полтора года под следствием. Так что в третью созданную им фирму он принял в качестве своего заместителя жену полковника ФСБ. Она ничего не делает, только зарплату получает. Но если появляются проблемы, включается её муж. Другому знакомому повезло меньше: едва он наладил своё дело, появился генерал МВД, который сообщил, что выходит на пенсию, и ему нужна обеспеченная старость. Так что моему знакомому пришлось решать, уступить дело мирно или займёт проблемы. После долгих колебаний он выбрал второе. И вскоре его убили.

Что касается меня, то я занимался наукой. Там царили схожие порядки. Получая грант на исследовательскую деятельность, я должен был вернуть чиновникам сначала пятьдесят, а потом – семьдесят процентов от выделенных средств. А на оставшиеся деньги выполнить заявленную работу. Вот почему я наладил контакт с американскими коллегами и часть исследований, которыми занимался прежде, проводил в США. Меня там хорошо знали в двух университетах, смею заметить, далеко не худших на североамериканском континенте.

В общем, я перебрался в Соединённые Штаты. Что ни говори, а бизнесом лучше всего заниматься там – никаких препятствий, полное содействие во всём. Гораздо больше шансов найти инвесторов. И, самое главное, намного проще воплотить новаторскую идею в нечто реальное. Это давняя трагедия русских изобретателей – а я считаю себя русским, хотя у меня еврейские корни: изобретая что-то принципиально новое, они редко могли запустить в производство своё детище на родине.

Место для осуществления своих планов я выбрал самое подходящее – Силиконовую долину. В этом была своя печальная ирония. Представьте себе – я уехал от того, что породило мою идею и вызвало появление на свет моего устройства: глазированных сырков. В Америке их можно найти, но там они дрянные. Такие вкусные, как в России, бывают только в странах Балтии. Однако надо же было чем-то жертвовать на пути к успеху.

Демонстрационный экземпляр устройства был готов через пять месяцев. К этому моменту я уже понимал, что оно позволяет всё, чего может захотеть человек. Не только наслаждаться любой едой, но и попробовать, что испытывают любители экстремальных развлечений – горнолыжники, дайверы, парашютисты; как это – испытывать самолеты или погружаться на дно морское, лететь в космос или мчаться на гоночном автомобиле. Именно это привлекло инвесторов. Богатые перспективы. Я передавал им ощущения от дегустации некоторых блюд, от употребления хорошего виски, а потом, пользуясь произведенным эффектом, рассказывал об открывающихся возможностях.

– Господи! Это невероятно!.. – слышал я (понятное дело, по-английски). – Трудно поверить... Думаю, ваше изобретение будет иметь успех.

– А представьте себе, какой интерес вызовут, скажем, ощущения военного, участвующего в боевых действиях, или астронавта, совершающего выход на поверхность Луны или Марса, – тут же говорил я. – А разве не любопытно испытать то, что ощущают представители опасных профессий, спортсмены-рекордсмены, артисты, играющие свои лучшие роли?

– Думаю, вы правы...

Я видел, как зажигались глаза потенциального инвестора. И самозабвенно продолжал:

– А ощущения, которые испытывает поднявшийся на самую высокую вершину альпинист? Или спустившийся в самую глубокую пещеру спелеолог? Можно записать любые ощущения. Нужны только деньги. И время. Но потом эти записи можно предложить потребителям. И те купят их. Потому что чужие ощущения интереснее книг и фильмов.

Мои речи после того, как человек успел почувствовать действие устройства, прекрасно убеждали. Мне удалось получить достаточно средств на стартап: я смог существенно расширить мою лабораторию, нанять сотрудников, а главное – открыть производство, сначала в Америке, а потом – в Китае и Европе. Так возникла самая крупная сейчас на Земле корпорация – «Sensations».

Устройство было доработано и производилось крупными партиями. Мои инженеры продолжали его совершенствовать, делая легче, удобнее, дешевле. Но я полностью переключился на другое. Поскольку понимал, что главное теперь – создание коллекции ощущений. И чем богаче она будет, разнообразнее, тем больше шансов на успех. Вот на что я потратил следующие три года. Но в итоге не только прочно встала на ноги корпорация «Sensations», а и родилось новое направление: ощуцизм. Жизнь ощущениями. Чужими. Самыми разными. Непременно яркими. Ощуцизм – это получение необычных ощущений без риска для жизни и здоровья. Без траты времени на получение навыков или оттачивание мастерства. Без траты денег на далекие поездки или дорогое оборудование. И это, помимо прочего, способ существования. Гурманы без конца наслаждаются ощущениями от поглощения изысканных или экзотических блюд. Трусливые, но любопытные люди – ощущениями от опасных путешествий или рискованных авантур. Ощущения каскадеров, совершающих феерические трюки, экстремальных спортсменов и путешественников, рискующих жизнью, лётчиков-испытателей, осваивающих новые самолеты, подводников, совершающих рекордные погружения, – всё стало доступно. Мужчина может познакомиться с ощущениями женщины в разных ситуациях, а женщина – мужчины. Особо взыскательные могут испытать ощущения приговорённого к смерти в момент казни. Между нами говоря, и ощущения, которые испытывают представители противоположного пола, особенно во время полового сношения, и ощущения умирающего преступника сразу привлекли очень многих. И продолжают привлекать. Такова природа людей. Но и всё остальное тоже находит своих потребителей.

Чужие ощущения оказались полезны не только для развлечения: они помогают врачам лучше понять, что и как болит у пациентов, судьям – действительно ли подсудимый говорит правду, а осужденный испытывает деятельное раскаяние, учителям – насколько разобрался в материале ученик, инженерам – удобно ли работать на придуманном ими устройстве или оборудовании, избирателям – чем на самом деле движим политик. Как следствие, намного повысилась эффективность здравоохранения, судопроизводства, образования, инженерного дела, политической системы. Чужие ощущения помогают супругам лучше понять друг друга. В итоге уменьшилось число разводов.

Благодаря ощуцизму наш мир стал добрее. В самом деле, если вы можете ощутить всё то, что ощущают самые богатые люди Земли, платя при этом совсем другие деньги за какие-то вещи или удовольствия, вы не станете завидовать им, чувствовать себя обойденными или, что ещё хуже, неудачниками. Вас никогда не заразит ненависть, если вы получите возможность

разобраться в ощущениях человека с другими взглядами. Ощущения жертвы, прочувствованные преступником в качестве наказания, заставят его навсегда отказаться от насилия.

Ощущизм быстро распространился по Земле. Что может быть проще: купил шлем, оплатил по интернету интересующие ощущения, и наслаждайся. Надоело, скачивай другие из тех сотен тысяч или даже миллионов, которые теперь доступны. Студии по записи ощущений появились в огромном количестве. Я специально не патентовал этот вид деятельности. Мне хотелось, чтобы так и было – обилие создающих записи и, соответственно, обилие самих записей. Зато производством шлемов – принимающих, передающих – занимались и по сей день занимаются только предприятия «Sensations».

Записи становились всё более яркими, увлекательными. Киностудии мира, вслед за студиями нашей корпорации, полностью перешли на фильмы, воплощающие сюжет через последовательность ощущений. Зритель стал действующим лицом кинофильмов. Он получал ощущения главного героя – или нескольких героев. То есть и в кино ощущения взяли верх. Как и в телевидении, где главными стали ощущения участников и очевидцев происшествий. Не мне вам рассказывать, сколь достоверно воспринимаются такие фильмы и репортажи с места событий. По сути, человек получил возможность проживать много жизней. Ведь когда мы получаем чужие ощущения, связанные с какими-то событиями или действиями, мы не только превращаемся в соучастников чужой жизни, мы на время становимся другими людьми.

Весь мир теперь живёт чужими ощущениями. Они становятся всё разнообразнее. Где предел? Не знаю. Человек ненасытен по своей природе. Во всём. Наверное, в будущем появится ещё что-то. Не берусь предугадывать. Но на ближайшие десять-двадцать лет ощущизм будет определять нашу жизнь. Его потенциал ещё далек от исчерпания. Так что мне рано уходить на покой. К тому же я – человек дела. Праздность для меня мучительна. Я хотел бы трудиться до последнего дня.

Прилетая по делам в города Восточной Европы – в Хельсинки, Варшаву, Ригу, Таллинн, – я всегда старался проложить маршрут через Москву. По-прежнему люблю этот бестолковый, суетной город. И неизменно выкраивал хотя бы десять минут для того, чтобы появиться на Малой Молчановке, постоять возле симпатичного старого дома с двумя эркерами, в котором я с родителями жил до женитьбы: мы тогда разменяли здешнюю большую квартиру, полученную отцом как ответственным работником Госплана СССР, на две; в одну переехали я, жена и только что родившийся сын, в другую – родители с сестрой. Дом, к счастью, сохранился, как и соседний, смешной, с полуколоннами у входа и тяжелыми балкончиками, хотя многое в округе снесли, заменив заурядными современными зданиями. Старый, но добротный, солидный дом начала прошлого века высится на прежнем месте, и пусть я не могу подняться в квартиру на пятом этаже – её давно занимают другие люди, – я с удовольствием стою какое-то время во дворе, вспоминая то, что мне дорого. Здесь много чего произошло в моей жизни. Здесь я научился ходить, говорить, читать, драться, дружить. Здесь я впервые услышал слово «жид». И сдержанное объяснение мамы: «То же самое, что еврей. Но только когда хотят обидеть».

Русский язык родной для меня. Мои родители знали идиш, но не говорили на нём дома. И меня ему не учили. Английский заставляли зубрить, французский, а идиш – нет. Я знаю с десяток слов на идише, и всё. Иврит я тоже не учил. Бывая в Израиле, говорю либо на английском, либо на русском. Чаще на втором. Там много выходцев из России, они сохраняют важную для них среду общения. И свою самость. Они отличаются от местных евреев. Они большего добиваются. Не зря их там зовут русскими. И недолюбливают.

Что мне дали родители, и что – страна, в которой я рос? Если мне что и досталось от родителей, так это уважение к знаниям, прилежание в их освоении, умение работать. А от жизни в России я получил широту кругозора, умение приспосабливаться к сложным условиям и неубиваемый оптимизм. Насчет оптимизма не удивляйтесь: в России можно быть либо законченным пессимистом, либо неубиваемым оптимистом. Иного там не дано.

Хотя история с литературой давались мне без особых усилий, я выбрал далекую от гуманитарной сферы профессию. Заинтересовавшись физикой, только ей посвящал всё время в старших классах, вслед за тем поступил в Физико-технический институт. Меня приняли, несмотря на пресловутый «пятый пункт» – национальность. Тогда уже не было секретом, что евреев стараются не пускать в университеты и институты. Меня это не коснулось. По непонятной причине. Повезло.

Меня приняли в прекрасный институт, самый лучший тогда для тех, кто выбрал своей специальностью физику. Я получил хорошее образование. Благодаря ему я вскоре стал доктором наук, сделал ряд открытий, а потом, гораздо позже – создал оборудование, породившее ощуцизм, новое измерение человеческой деятельности.

Меня часто сравнивают со Стивом Джобсом и Биллом Гейтсом. И даже ставят выше их. Что я могу сказать по этому поводу... Не моё дело – давать оценки самому себе. Но, кажется, кое-что стоящее у меня в этой жизни получилось. Ну, а мой сын возглавляет сейчас отделение «Sensations» в России. Жизнь там понемногу налаживается. А глазированные сырки – по-прежнему вкусные.

Глава 2. Поставщик ощуцизма

Рассказ сенсохантера

Небольшой самолет упрямо лезет вверх, на высоту пять километров. Я на удобном сиденье, смотрю в иллюминатор. Там, внизу, отделенный небольшой дымкой, игрушечный мир. Небольшие домики, дороги, сады, рощицы. Они кажутся сделанными искусными руками. Но я знаю, что это настоящий мир, и я вернусь туда, опять стану его частью.

Надсадно поют двигатели, поднимая самолет все выше и выше. Ввинчиваясь в пространство, которое уходит куда-то вверх, к солнцу или звездам. Пилот подает знак. Пора.

Я поднимаюсь, подхожу к двери, открываю ее, смотрю вниз. Там, за срезом пола, только воздух. Там нет опоры. Там – страшная глубина. Которая снизу воспринимается как огромная высота. Пять километров! Их даже по земле сколько идти. Я каким-то необъяснимым образом ощущаю это расстояние до поверхности. Надо прыгать. Повернув голову направо, я бросаю взгляд на своего товарища, Майкла, который стоит поодаль. На его лице спокойная, уверенная улыбка. Поднимает руку. Махнув ему на прощанье, я опускаю очки, еще раз оглядываю открывающуюся бездну, делаю шаг наружу. И только тут с ужасом понимаю, что забыл надеть парашют. Нет, это не сон. Я падаю без парашюта. Неудержимо несусь к земле. Ужас охватывает меня, тот ужас, который наполняет каждую клетку, цепко сковывает волю.

Я все-таки справляюсь со своим страхом, раскидываю руки и ноги, чтобы замедлить падение. Стабилизирую свое положение так, чтобы земля была перед глазами. Я судорожно пытаюсь найти хоть какую-то возможность для спасения. Там, внизу, могут быть водоемы. Если правильно войти в воду, если хватит глубины... А если поблизости нет водоемов? Тогда ничто не спасет меня. Я пытаюсь разглядеть там, внизу, хотя бы небольшое озерцо, и не нахожу. Господи, за что мне это? Чем я провинился перед Тобой?

Внезапно я вижу боковым зрением, что ко мне приближается что-то темное. Резко повернув голову, я вижу Майкла – сложив руки и поджав ноги, он стремительно догоняет меня. У него в руках... мой парашют. Земля близко, но у нас еще есть немного времени. Только бы успеть.

Майкл совсем рядом, я хватаю парашют, быстро просовываю руки в лямки, соединяю их замком, застегиваю пояс. Осталось застегнуть нижние лямки, протянув их между ног. Сердце бешено колотится. Одна пристёжка, другая. Готово! Тут же дергаю за кольцо. И ощущаю привычный рывок в сторону головы. Мгновенно мое тело приходит в вертикальное положение, ногами вниз, к земной поверхности. Она совсем рядом, но скорость падения уже не та, что раньше. Несколько мгновений, и мои ноги касаются травы. Я пробегаю несколько метров, останавливаюсь, гащу парашют. Осматриваюсь – я на лугу, который вдалеке окружает практически со всех сторон лес. Лишь в одном направлении видны какие-то домики. Светит яркое солнце, окружающий меня теплый воздух пребывает в непрерывном движении. Картинка слегка зыбкая. А еще вижу Майкла – он подлетает ко мне на планирующем парашюте, садится метрах в пяти. Поднимает на лоб очки.

– Все получилось, – говорит с лучистым воодушевлением. – Отлично.

Я и сам знаю, что получилось. Иначе бы я не стоял здесь, посреди поля, радуясь солнцу и летнему дню.

Я – охотник за ощущениями. Сенсохантер. Нас не так много, настоящих специалистов, отчаянных людей. Среди нас есть женщины, но большей частью – мужчины. И охотимся мы за собственными ощущениями. Главное, чтобы они были яркими, уникальными, неповторимыми. Но лучше – пугающими, страшными. Такими, чтобы люди раскупили их тотчас после появления в продаже.

Не знаю, что больше движет нами: деньги, потребность регулярно получать адреналин, жить в условиях реальной опасности или необходимость доказывать другим сенсохантерам, что ты один из лучших, может, даже лучший. Наверно, все сразу. Так чаще всего бывает в жизни.

Майкл – мой давний напарник. Мы работаем вместе уже шесть лет. Познакомились на съемках сенсофильма «Титаник», римейка старого фильма. Который тоже получил уйму Оскаров. Я подменял капитана судна в тот момент, когда он погибал вместе с «Титаником», – в рубку со всех сторон вливались бурные потоки воды. Я натурально тонул, и Майкл страховал меня. И когда я, наполнив легкие водой, потерял сознание, он вытащил меня из макета рубки, по-настоящему ушедшего под воду, а врачи тут же принялись меня откачивать. Потом мои ощущения подверстали к ощущениям актера, игравшего роль капитана, и сенсозрители не заметили, что вместо капитана погибал совсем другой человек.

С тех пор мы с Майклом работаем в паре. Хотя он чаще страшует, а я выполняю трюки. Но в нашем деле ой как важно, чтобы рядом был надежный человек, проверенный, способный ко всему тому, что можешь ты сам. Только такой сможет найти выход из любой опасной ситуации. А без них, без таких ситуаций, в нашем деле не обходится.

Падение с самолета без парашюта мы отрабатывали две недели. Сначала я падал с парашютом, но не раскрывал его, ждал, когда Майкл догонит меня. Потом начались прыжки без парашюта, но Майкл вскоре догонял меня, передавал мне парашют. И лишь после того, как мы научились делать это недалеко от поверхности земли, на самом пределе, я совершил прыжок с датчиками на голове. Уникальная сенсозапись была получена. Теперь каждый желающий мог пощекотать себе нервы.

На следующий день мы с Майклом вылетели из Сакраменто в Лос-Анджелес. Нас ждали в корпорации Warner Brothers. Мы работаем с ними последние два года.

Дональд Мейер принял нас. Надев шлем, протестировал свежую запись и остался доволен. Последовало распоряжение о выплате нам денег в связи с выполнением условий контракта с нашей стороны. Через месяц должны были выпустить отдельный диск, и нам с Майклом еще светил процент от продаж. А если вдобавок эти ощущения попадут в какой-нибудь сенсофильм, мы сможем рассчитывать на дополнительный гонорар.

Да, частенько сенсозаписи, выпущенные отдельно, используют потом в фильмах. Несколько социологических исследований показали, что любители вкушения ярких ощущений, связанных с опасностью для жизни, редко смотрят сенсофильмы. Поэтому кинокомпании частенько используют одни и те же записи в обоих видах продукции. Это даёт некоторую экономию средств.

Еще мы обсудили с Дональдом будущие контракты. Warner Brothers хотели получить записи ощущений полицейского, попавшего в бандитскую засаду и пытающегося спастись в изрешеченной пулями машине, пожарного, оказавшегося в огненной ловушке, подводника, гибнущего в потопленной лодке, путешественника, потерявшегося в пустыне, в лесу, лишённого пищи, преследуемого дикими животными, водителя в машине, сорвавшейся в пропасть. Кроме того, намечались съемки сенсофильма про освоение космоса, и для него необходимо было записать ощущения астронавта, гибнущего в открытом космосе при попытке ремонта корабля, направляющегося к Юпитеру. А еще в планах стоял фильм про Вторую мировую войну. Мне предлагалась роль второго плана – британского летчика-истребителя, самолет которого подбивают в воздушном бою над Германией, и он гибнет. Мы с Майклом должны были решить, за что мы беремся, в какие сроки выполним каждый контракт. И какое оборудование нам понадобится, ясное дело, за счет корпорации. Ответ мы обещали дать через десять дней.

Теперь ничто не мешало мне отправиться туда, где я не мог не появиться, но где меня не слишком ждали.

Мою бывшую жену зовут Дженнифер. У нас есть дочь, Саманта. Ей сейчас девять. Мы с ней видимся очень редко. Дженнифер хотела лишиться меня родительских прав. Единственное, чего я добился в суде, – права на два свидания с дочерью в месяц. Я сразу понял – у Дженнифер скверный характер, но не предполагал, во что это выльется. Я любил ее. Не буду отрицать – я тоже не сахар: постоянно рискую жизнью, а после очередных подвигов напиваюсь. Ну и, конечно, бывают случайные связи. Когда носишься по всему миру, всякое может случиться. Но я всегда приезжал в конце концов домой, проводил там неделю или две, с удовольствием общался с дочерью. И ставить вопрос так: «Либо семья, либо эта работа», было необоснованно. Где я еще смогу заработать такие деньги? Я пытался объяснить ей это. Не поняла. Подала на развод. И получила желаемое. Нас развели. А когда я попытался, как прежде, видаться с дочерью в промежутках между очередными сенсозъёмками, добилась судебного решения, ограничивающего мое общение с дочерью двумя встречами в месяц. Не более пяти часов каждая.

Очень скоро я почувствовал, что Саманта стала относиться ко мне сдержаннее, не проявляла особой радости при моем появлении. Похоже, Дженнифер настраивала ее против меня. А что я мог с этим поделать? Нашептывать дочери во время наших редких встреч, какая противная женщина ее мать? Это было бы глупо и мелко. Тем не менее, перспектива мне виделась нерадостной – дочь вырастет, впитав плохое отношение ко мне, будет уклоняться от встреч со мной. Мы станем совсем чужими людьми. Поэтому я старался быть интересным ей, при каждой встрече рассказывал о моей работе, о последних съемках, о достопримечательностях тех мест, где недавно побывал. Я жил надеждой, что через несколько лет Саманта поймет нечто важное о жизни, что пока еще не понимает, и мы снова станем друзьями.

Вечером я сел на самолет и полетел в Чикаго. Переночевал в гостинице. Около двенадцати приехал к дому, в котором теперь проживала Дженнифер со своим новым мужем и Самантой. Я вышел из машины в ожидании дочери. Стоял на тротуаре, спокойно поглядывая по сторонам. Моя бывшая жена знала, что я приеду сегодня в полдень – я звонил ей накануне.

Саманта вышла через несколько минут, невозмутимо произнесла: «Привет», подставила щеку для поцелуя. Мы устроились на заднем сиденье такси, она помахала матери, замершей в дверях. Машина тронулась. Водитель знал, куда нам надо.

– Чем на этот раз ты занимался? – поинтересовалась дочь.

– Прыгал с самолета.

– С парашютом?

– Сначала – без. А потом Майкл догонял меня и давал парашют. Так что приземлялся я на парашюте.

– А если бы он не успел?

Я добродушно покачал головой.

– Такого не могло быть. Мы профессионалы. Все рассчитано по секундам. Хотя, конечно, все на пределе.

Помолчал, она спросила, повернув ко мне голову: – Тебе не было страшно?

– Немного. – Как объяснить ей, что я специально имитировал страх, чтобы сенсозапись была ярче. – А снимали мы на этот раз неподалеку от Сакраменто. Знаешь такой город?

– Не помню.

– Это столица штата Калифорния.

– Лос-Анджелес в этом штате?

– Да.

Через полчаса мы подъехали к пристани, расположенной на берегу озера Мичиган. Там ждал нас катер. Я заказал его по интернету – Саманта давно хотела покататься по озеру.

Катер был большой, с просторной каютой, с палубой, на которой стояли шезлонги. Он пустился в плавание, как только мы взошли на борт. Мы довольно далеко отошли от берега. День выдался прекрасный. Мы пили холодную кока-колу и смотрели на яхты, сно-

вавшие поблизости, на чаек, увлеченных какой-то своей жизнью. Потом мы плавали вдоль берега, а покинули катер поблизости от центра города, пообедали в ресторане, прогулялись по парку рядом с художественной галереей, наполненному странными неуклюжими скульптурами, после чего поехали назад. Без десяти минут пять Саманта вышла из такси возле дома, небрежно махнув мне рукой, направилась к двери. Я старался выполнять предписанные условия, чтобы не дать Дженнифер возможности окончательно лишиться меня свиданий с дочерью. Но делал все, чтобы не общаться с бывшей женой.

Вечерним рейсом я вернулся в Лос-Анджелес, и на следующий день мы с Майклом засели за проработку новых проектов. Полицейский, попавший в бандитскую засаду, нас не заинтересовал. В этом особого класса не покажешь. Другое дело пожарный, оказавшийся в огненной ловушке. Человек, погруженный в пламя, – весьма эффектно. Важно, чтобы появилось ощущение губельного всепожирающего жара, поглотившего жертву. Подводник, гибнущий в лодке, тоже неплохо. Неуклонное поступление воды, затопляющей отсек, неминуемо грозящей смертью. Капитан «Титаника» погибал иначе. Вполне можно было поработать над ощущениями водителя, находящегося в машине, сорвавшейся в пропасть, хотя подобные сенсозаписи уже были. Тут могла идти речь только о большей достоверности ощущений.

Более всего меня и Майкла заинтересовали съемки в сенсофильмах про освоение космоса и про Вторую мировую. Гибнущий в открытом космосе астронавт и летчик-истребитель, подбитый в воздушном бою над Германией, – прекрасная возможность для сенсохантера создать потрясающие, уникальные ощущения. Но если первый фильм должны были снимать на орбите, и многое зависело не от нас, то съемки для фильма про войну мы могли организовать сами. Разумеется, в той части, которая представляла полеты, воздушный бой и гибель моего героя. Все остальные кадры, связанные с летчиком-истребителем, включая постельные сцены, должны были готовить профессиональные киношники.

– Поставим бронезащиту кабины, – уверенно говорил Майкл.

– Ты имеешь в виду кевларовые пластины?

– Да. Кроме того, усилим бронеспинку, заменим плексиглас на современное бронестекло, и в бой. Ты спокойно будешь смотреть, как пули дырявят твой самолет, как он загорается. – Тут он сдержанно усмехнулся. – Впрочем, нет. Тебе положено испугаться. Чтобы те, кто потом будут это смотреть, тебе поверили.

– Думаю, надо уходить из самолета метрах на семидесяти.

– Не рискуй зря. Ста метров будет вполне достаточно. И потом, как мне кажется, для зрителей куда интереснее воздушный бой, а не твоя гибель. Вот что надо продумать – захватывающий воздушный бой. Составить детальный план. И воплотить его в жизнь. Сможешь?

– Да уж постараюсь, – уверенность наполняла мой голос.

Я не только умел управлять самолетом, но и располагал удостоверением пилота. Как, впрочем, и Майкл. Так что проблем не должно было быть.

На следующий день мы разработали план сражения. Дональд упоминал, какие самолеты будут в нашем распоряжении. Так вот, мой «Спитфайер», сопровождавший громоздкие четырехмоторные «летающие крепости» и защищавший их, вступает в бой с тремя «Фокке-Вульфами 190». Скорость моего истребителя совпадает со скоростью «Фокке-Вульфов», когда они включают форсаж. Маневренность близкая. Так что все зависит лишь от мастерства летчиков. Мой герой – опытный пилот. Один из немцев – тоже. Именно он сбивает меня, опираясь на помощь двух сотоварищей, получающих его указания по радио. Этого немца сыграет Майкл. И его ощущения запишут в тот момент, когда он будет по-настоящему расстреливать мой самолет.

Мы разработали схему боя и посекундный план. За Майкла я был спокоен – он выполнит все, что намечено, самым точным образом. Еще два пилота у нас были на примете. Придется с ними поработать, и все получится.

Еще мы разработали технические условия для сенсосоъемок сюжетов с пожарным и подводником. Мы решили: пусть Warner Brothers обеспечит все необходимое оборудование и специалистов, если им нужны такие записи. А нам тратить на это время и силы не хотелось.

Я позвонил Дональду Мейеру, и мы договорились о встрече на завтра. Теперь можно было расслабиться, мы с Майклом отправились в ресторан «Duke's Malibu», где мы были завсегдатаями. Он находится прямо на берегу океана, и там отличная гавайская и американская кухня. Выпито было достаточно.

На следующее утро мы появились в кабинете Дональда.

– У вас двадцать минут, – сходу заявил он.

Я положил перед ним распечатки с нашими предложениями и стал давать комментарии по ходу того, как он просматривал их. Ему понравилось то, что мы предлагали.

– Давайте снимем пожарного и подводника, я отдам распоряжения о подготовке к съемкам. Вслед за тем приступим к работе над фильмом о Второй мировой. Самолеты давно заказаны и скоро поступят. Снимем несколько полетов, а потом последний бой. Затем снимем все сцены, которые происходят на земле. Но начнем с пожарного, там проще подготовка. То, что вы предлагаете ввести напарника, это хорошо. Он надеется, что напарник поможет ему, но в последний момент понимает, что напарник не в состоянии это сделать. Испугался, или это выше его сил. Давайте, начинайте работать. Юристы подготовят контракт к завтрашнему дню. А инженерам я звоню прямо сейчас. – Он схватил трубку телефона, набрал номер и вскоре вновь заговорил. – Фредди, сейчас к тебе подойдут ребята, Джон и Майкл, начинай с ними подготовку к пожарному и подводнику. Они все рассчитали. Ребята опытные. Съемки пожарного через два дня. Подводника – через пять. Бассейн свободен. Тебе ничто не мешает. Действуй. – Тут он удивленно глянул на нас. – Вы еще здесь? У меня больше нет для вас времени.

Через двадцать минут мы с Майклом самым непосредственным образом включились в новую работу. При нашем участии смонтировали место будущей трагедии во фрагменте здания – помещение, которое станет ловушкой, падающие балки, призванные отрезать путь к отступлению. Параллельно в бассейне приступили к созданию отсека подводной лодки, его делали по фотографиям и нашим чертежам.

На второй день начались съемки. Рабочие подожгли то, что казалось фасадом старого трехэтажного здания. На пожарной машине мы с Майклом и настоящими пожарными подъехали к пылающему дому. Пока остальные разматывали брезентовый рукав, я и мой напарник ринулись внутрь, потому что метавшаяся у входа женщина в разорванном платье, с перепачканным сажей лицом, кричала, что внутри остались люди.

Все прошло как по маслу – в полном соответствии со сценарием: сначала мы наткнулись на мужчину, потерявшего сознание. Он лежал ничком, держа во рту пластиковую трубку с кислородом, но я видел только его затылок и думал о том, что он всерьез надышался углекислого газа. Мы с Майклом схватили его, потащили к выходу, а там другие пожарные сразу приняли парня, уложили, подключили искусственное дыхание. Я тем временем кинулся назад. Осмотрев первый этаж. Никого не найдя, взбежал на второй. Здесь огонь был сильнее, а жар – куда нестерпимее. Мой костюм пока что защищал меня, и лишь мои щеки чувствовали температуру, опасную для человека.

Мне кажется, что в одной из комнат кто-то есть. Неясный темный силуэт виднеется на полу сквозь языки пламени. Я решительнодвигаюсь в ту сторону. Еще несколько мгновений, и я вижу нечто похожее на тело, но, приблизившись, понимаю, что это черный плед, лежащий на светлом паркете подле дивана кремового цвета, верх которого уже занялся огнем, подступающим со стороны окна, едва различимого в огненном смерче. В этот момент раздается грохот. Повернувшись, я вижу, что обрушилась подгоревшая деревянная балка вместе с частью пола верхнего этажа, отрезав меня от выхода. Я в ловушке – вокруг меня сплошное пламя. Даже мой костюм не спасет меня. Я чувствую жар, подступающий к телу. Он стремительно нарастает...

Разумеется, меня спасают. Подобно ангелу, Майкл с помощью специального приспособления лихо спускается с третьего этажа, подхватывает меня, утаскивает наверх, туда, где нет огня, где спасительная прохлада. Но эти ощущения не попадут на сенсозапись. Потому что она про гибель пожарного, а не про чудесное спасение, тщательно подготовленное заранее.

Вечером мы с Майклом поехали в наш любимый ресторан – следовало передохнуть, расслабиться. Перед этим я позвонил Элизабет. Мне хотелось увидеть ее.

Мы выпивали с видом на океан. Я и Майкл – виски с содовой, а Лиз – джин с тоником. Мы с Майклом по очереди рассказывали ей о наших последних съемках, а она удивлялась, охала, причитала. Потом я поехал к ней, и мы провели прекрасную ночь.

Нас устраивали такие отношения. Мы оставались абсолютно свободными людьми, но время от времени трахались к взаимному удовольствию. Лиз была художником-декоратором и, когда не было срочных заказов, располагала временем. Порой она становилась инициатором нашего очередного свидания, порой – я. Возможно, у нее имелись другие мужчины, меня это не интересовало. Но я встречался только с ней. Она была красивой, весьма неглупой. И, сознаюсь, мне очень нравилось, когда, прощаясь, она повторяла одни и те же слова: «Постарайся не угробить себя. Это меня очень расстроит».

Следующий день мы с Майклом провели в бассейне, пока что лишенном воды. Здесь уже воспроизвели центральный пост управления подлодкой. Это был четвертый отсек немецкой лодки времен Второй мировой. Смонтировали электрические и ручные приводы для управления вертикальными и горизонтальными рулями, станцию погружения и всплытия, перископы, управление торпедной стрельбой, одну из воздуховодов для продувки главного балласта. В ходе съемок на центральном посту, помимо меня, будут еще семь подводников. Их роль исполнят обычные каскадеры – им далеко до сенсохантеров, но не всем же заниматься столь опасным, хотя и безмерно увлекательным делом.

Мы регулировали клапаны, через которые в отсек будет поступать вода, устанавливали миникамеры, которые помогут Майклу управлять процессом затопления отсека. Камеры надо было замаскировать так, чтобы их не заметил опытный взгляд подводника сороковых годов. Потом устанавливали подводные звукоизлучатели, призванные создавать нужные звуковые эффекты. После этого я репетировал вместе с каскадерами: кто, когда и что делает.

За день до съемок бассейн заполнили водой. Проверка подъемников прошла успешно – отсек поднимался и опускался, имитируя всплытие и погружение лодки. Звукоизлучатели тоже работали нормально, создавая эффект близкого взрыва глубинных бомб. При этом компьютер создавал нужные движения отсека: его мощно подбрасывало. Протечек при этом не возникало. Оборудование было готово к сенсоземкам.

Наступил момент, когда я и мои напарники, одетые в немецкую форму подводников, спустились в отсек. Я и еще трое были в офицерской форме, с белыми рубашками и черными галстуками, а четверо – в матросской с наглухо застегнутыми кителями. Я сам задраиваю люк и обращаюсь к напарнику:

– Майкл, мы готовы.

– Понял, – раздается из динамика знакомый голос. – Опускаю.

Я чувствую медленное перемещение – отсек погружается. Каких-то двадцать секунд, и мы под водой. Все на своих местах. Мое – у перископа. Я – командир большой океанской лодки U-182 капитан-лейтенант Николай Клаузен. Мы начинаем съемку.

Лодка только что поднялась на перископную глубину. Осмотрев горизонт, я вижу в окулярах то, что должен был увидеть: несколько английских и американских судов, эскортирующие их эсминцы. Дистанция великовата, но конвой приближается. Надо немного выждать.

– Вражеский караван, – с абсолютным спокойствием говорю я, оторвавшись от окуляров и оглядывая находящиеся рядом подчиненных. – Ждем. Они подходят. Будем атаковать. – И теперь в переговорное устройство. – Господа, есть работа. Приготовить носовые аппараты.

Медленно тянется время. Наконец караван выходит на дистанцию стрельбы. У меня уже введено упреждение. Я выбираю самое крупное судно, как только оно попадает в перекрестие, я даю команду выстрелить из носового торпедного аппарата. Слышу густое шипение, с которым пневматический поршень выталкивает торпеду, и вновь ожидание. Попал или нет? Лишь через полторы минуты я вижу вспышку и взрыв, который разламывает судно. Некоторое время спустя приходит его звук, сильно ослабленный. Вторая торпеда не понадобится.

– Есть попадание. – Громко сообщаю я. – Господа, поздравляю. Пятое вражеское судно, потопленное нами за этот поход. Срочное погружение. – Я убираю перископ.

Лодка уходит с малой, перископной глубины на заметно большую. Теперь надо затаиться, выждать.

Полная тишина воцаряется в лодке. Мой экипаж вышколен. Никто не издает ни звука в ситуации, когда враг ищет нас, когда его акустики изо всех сил пытаются поймать издаваемые нами шумы.

– Вражеский эсминец, – негромко сообщает Ганс, мой акустик. – Шум приближается.

Внезапно раздается взрыв, мне ударяет по ушам. Потом еще взрыв, еще. Англичане или американцы начали бросать глубинные бомбы. Взрывы становятся все громче. «Только бы прошли мимо, – думаю я, как и, наверно, каждый член моего экипажа. – Только бы не попали».

Но взрывы только усиливаются. Внезапно лодку подбрасывает. Я с трудом удерживаюсь на ногах. Уши заложило. Попали!

Звонящий звук торчит в ушах. Внезапно я слышу тревожный голос Курта, старшины:

– Лодка погружается!

– Держать глубину! – кричу я. Надо разобраться, что произошло. Приказываю в микрофон. – Доложить ситуацию в отсеках.

Мне никто не отвечает. Гнетущая тишина обволакивает меня. Мне трудно молчать.

– Первый отсек. – Обращаюсь я. – Первый отсек... Второй отсек. Третий.

Вновь тишина, и лишь через какое-то время из динамика звучит:

– Господин капитан-лейтенант, в пятом отсеке поступление воды!

– Господин капитан-лейтенант, в шестом отсеке все в порядке.

– Господин капитан-лейтенант, в седьмом отсеке все нормально.

Первые отсеки не отвечают. Похоже, это было прямое попадание. Часть моего экипажа, скорее всего, погибла. Мои боевые товарищи...

– Николай, – раздается рядом осторожный голос штурмана, моего давнего приятеля Вольфганга. – У нас тоже вода.

Я смотрю вниз и вижу воду, которая подступает к моим туфлям. Она прибывает. Несколько секунд, и туфли залиты ею, холод касается моих лодыжек. Что делать? Дать команду на всплытие? Это, может быть, еще удастся осуществить – поднять лодку на поверхность. Но это сдача в плен. Это позор. Хотя всплытие сохранит жизнь тем членам моего экипажа, кто еще жив. Спасет часть моих боевых товарищей.

– Дифферент на нос! – проникает в мое сознание голос Курта. – Удержать не получается!

Я и сам вижу: лодка наклонена в сторону носа. Медлить нельзя. Я принимаю решение.

– Продуть цистерны! – команду я. – Всплываем.

– Продуваю цистерны.

Раздается знакомое шипение воздуха. Дифферент резко увеличивается. Пол по-настоящему уходит из-под ног. Меня и моих товарищей бросает на переднюю стенку – на приборы, краны, трубопроводы, на люк, ведущий в третий отсек. Туда же устремляется вода. Еще немного, и мы стоим на стенке, точнее, на многочисленных трубах, уже по колено в воде. Только бы лодка всплыла. Только бы всплыла. Мне вовсе не страшно умереть. Но я хочу, чтобы выжили мои товарищи. Те, кто еще может выжить.

К счастью, свет продолжает гореть.

– Курт, мы всплываем? – спрашиваю я.

– Простите, господин капитан-лейтенант, я упал, – слышится сконфуженный голос. – Сейчас посмотрю... Нет, господин капитан-лейтенант. Мы медленно погружаемся.

Значит, никого уже не спасти. Мы все погибнем. Что ж, это возможный вариант для каждого, кто борется за свою родину. Мы – воины. Наш долг – добиться победы или умереть. Вода уже по пояс. И она прибывает все быстрее. Я чувствую, что надо сказать какие-то слова. Переговорное устройство теперь недоступно. Я говорю для тех, кто рядом, в командном отсеке.

– Господа, мы выполнили свой долг. Мы сражались храбро и умело. Удача много раз сопутствовала нам. И пусть сегодня нам не повезло, победа будет за Германией. Прощайте, боевые друзья. Прощай, Вольфганг. Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер! – нестройно звучит в ответ.

Воды все больше. Неумолимо уменьшается пространство, еще занятое воздухом, в котором можно дышать. Пространство жизни в нашем отсеке. Оно скоро исчезнет.

Я отворачиваюсь. Я не хочу видеть, как гибнут мои товарищи. Я готов. Мне почему-то вспоминается банкет в честь спуска на воду нашей лодки, сидящие за столами члены моего экипажа, веселые, счастливые. И девушка в белой блузке среди них, моя жена, тогда еще будущая. Которая теперь не дожидается меня.

Дышать больше нечем. Я под водой. Это конец. Мир пропадает...

В отличие от остальных, воспользовавшихся компактными дыхательными аппаратами, я утонул. И сразу после этого отсек поднялся над водой, люк, который вел будто бы в третий отсек, открылся, вода хлынула в бассейн. А меня оперативно вытащили, принялись откачивать. Этим занимались настоящие врачи.

Не скажу, что слишком приятно приходить в себя после того, как ты утонул. Я вижу врачей, окружающих меня. Я в карете скорой помощи. Она стояла рядом с бассейном, когда мы начинали. Я слышу мерный писк прибора, отмечающего работу сердца.

– Все нормально? – с некоторым затруднением спрашиваю я, глядя на ближайшего ко мне худого, громоздкого мужчину в зеленоватом халате.

– Надеюсь, – отвечает врач. – Но я рекомендую вам лечь на один день в больницу. Чтобы исключить любые опасности. Прежде всего, пневмонию. Мы вас отвезем... А что, нельзя было воду в бассейне подогреть?

Я не сдержал усмешку:

– Нельзя. Лодка погибла в Атлантике, а не в Карибском море.

Я рассчитывал вечером оттянуться, выпить с Майклом, Элизабет, но вместо этого оказался на больничной койке, облепленный датчиками. Майкл все равно был рядом. Он и его подружка Бритни явились в больницу, развлекали меня разговорами, смешили. Бритни – известная хохотушка. Мне приходилось постоянно напоминать, что мы в больнице.

Майкл и Бритни то ссорятся, то опять мирятся. Это их постоянное состояние. Но, сколько я ее помню, веселость никогда не покидает Бритни. Она остается беззаботной болтушкой, даже на работе – она гример в Warner Brothers. Хотя, быть может, это маска, и наедине с собой она совсем другая. Бывают такие люди.

Утром следующего дня мне позволили покинуть больницу. Слава Богу, обошлось без осложнений. Мы с Майклом решили посвятить этот день отдыху. Мы его заслужили. Чем заняться двум серьезным парням в хороший летний день, если рядом Тихий океан, а у них свободное время? Разумеется, серфингом. Это увлекательное занятие, и к тому же полезное для здоровья.

Вечером отправились в «Duke's Malibu». Вчетвером. Прекрасно провели время. Ночевал я опять у Лиз.

На следующее утро мы с Майклом явились к Дональду Мейеру. Он весьма оживился, увидев нас.

– Привет, парни. Сработали вы отлично. Подводник получился прекрасно. Пожарный – тоже неплохо. Теперь пора браться за большой проект.

– За тем и пришли, – весело сообщил я.

– Тогда вам стоит кое-что увидеть. За мной.

Дональд вскочил и понесся быстрым шагом. Он всегда так ходил, часто переступая не слишком длинными ногами. Мы ринулись за ним. На лестнице он почему-то повернул наверх. Очень скоро мы оказались на крыше, просторной и плоской. Здесь была оборудована вертолетная площадка. Там стояло два «Bell» модели 629, в одном из которых сидел пилот. Дональд сделал ему знак, и тот начал запускать двигатель.

– Я бы мог вести эту птичку, – вырвалось у меня. – К чему нам пилот?

– Не напрягайся. – Дональд смотрел на меня снисходительно. – Парень получает за это деньги.

– Куда летим?

– Увидите, – загадочно выдохнул он.

Дональд открыл пассажирскую дверь, но первыми запустил меня и Майкла. Мы устроились на сиденьях. Вскоре вертолет взмыл над студией и над Голливудом. Известная надпись на склоне оказалась слева, а потом уползла назад.

Через полчаса приземлились на небольшом аэродроме неподалеку от внушительного ангара. Зачем им такой, если там водятся только легкомоторные самолеты? Дональд выскочил на бетон, сделав нам знак, и направился напрямик к ангару. Я едва поспевал за ним.

Он открыл дверь в огромных воротах, и я сразу увидел старые самолеты – истребители, бомбардировщики. Все в прекрасном состоянии. С каким восхищением смотрел я на них. А Дональд проговорил:

– Наш фильм – проект масштабный. Мы сделали точные копии самолетов. Три английских – «Spitfire», три американских – «Flying Fortress» и три немецких – «Focke-Wulf». Это стоило немалых денег. Но самолеты нам еще пригодятся. В крайнем случае, сдадим их в аренду. – Он помолчал, потом испытующе глянул на меня. – Неужели нельзя не губить один из них?

– Можно, – спокойно отвечал я. – Майкл стреляет холостыми, я не вижу никаких пробоин на крыльях, но делаю вид, что меня подбили и что самолет падает. Качество таких ощущений будет гораздо ниже.

– Ты прав. Качество ощущений прежде всего. И одним самолетом придется пожертвовать. К счастью, это не бомбардировщик. – У него был вид человека, разобравшегося, что к чему. – Знакомьтесь с техникой. Жду от вас план съемок. Но прежде сцен воздушного боя надо снять все, что происходит на земле. Всю любовную линию и прочее.

Мне это не понравилось. Я хотел поскорее заняться самым интересным – батальными сценами. О чем не замедлил сообщить:

– Дональд, я бы начал со всего, что связано с самолетами.

– Не сомневаюсь. И все-таки я прошу тебя завершить этим.

– Почему?

Он задумчиво помолчал, а потом проговорил с неопределенным выражением лица:

– Мне так хочется. Может мне так хотеться?

– Да, – согласился я. Он, что называется, заказывал музыку, и я вынужден был считаться с его желанием.

Мы начали со знакомства с техникой. «Spitfire» были модификации Mk.IX с двигателем 1585 лошадиных сил. Такие стали поступать в войска в тысяча девятьсот сорок третьем. Красивые самолеты, стремительные, с прекрасной скороподъемностью. Американские бомбардировщики «Boeing B-17» модификации F несли на себе зелено-бежевый камуфляж и опознавательные знаки RAF – Королевских военно-воздушных сил. Эта модификация передавалась

Великобритании, там их называли «Fortress Mk.II». Громадины, хотя многие современные пассажирские самолеты превосходят их размерами. Но для начала сороковых это были настоящие гиганты. Немецкие истребители «Focke-Wulf» Fw.190a оказались четвертой модификации с мотором мощностью в 1440 лошадиных сил, которую при необходимости можно кратковременно поднять до 2100. Тоже красивые боевые машины, агрессивные, хищные, верткие. Я с неопишимым восторгом смотрел на самолеты, словно пришедшие из прошлого, из тех славных времен, когда властвовала поршневая авиация и от человека зависело больше, чем от электроники. Не менее трепетно относился я к истории тех лет, когда мы геройски сражались против фашизма и погибали – бок о бок с англичанами. Русские тоже воевали, долго, тяжело, но главные события развивались на Атлантике. Это было славное время. Наверно, всё еще сидит во мне юношеская романтика.

С помощью двух техников мы опробовали самолеты на земле. Все двигатели заводились, работали нормально, системы управления тоже. Можно было приступать к тренировкам в воздухе.

Вечером наша дружная парочка засела за разработку плана подготовки к съемкам боя. Первоначальные тренировки в течение недели должен был вести Майкл, а я получал время для наземных съемок. Потом наступал период репетиций боя. После этого можно было переходить к главным съемкам.

Дональд сходу одобрил наш план.

– Приступаем, – с довольным видом проговорил он.

Уже через час в костюмерной меня одели в форму английского летчика. Признаться, мне понравилось, как я выгляжу. Потом я привыкал к форме и учил незатейливую роль. Эпизод знакомства с Памелой в пабе, где мой герой выпивал в компании боевых товарищей, включая главного героя Джона Гриффита – его будет играть Дилан Дуглас, младший сын Майкла. Эпизод на улице, когда мы с ней едем на машине. Эпизод в том же пабе, где я в компании с Памелой уже как со своей девушкой. Эпизод в спальне, где мы занимаемся любовью, и, наконец, эпизод у ее дома, когда она утром провожает меня на аэродром – на боевой вылет.

В отличие от батальных частей будущего фильма, съемкой которых руководил я, всем остальным заправлял известный режиссер Александр Земекис. Окруженный массой помощников, ассистентов, он тщательно репетировал с нами каждый эпизод. И лишь убедившись, что все так, как ему надо, разрешал провести съемки, два или три дубля.

Особенность сенсосъемок в том, что в них все должно быть настоящим, в какую сторону не посмотри. Для них декорации, какие строили раньше для обычных фильмов, не подойдут. Потому что актер, если он движется, поворачивает голову, видит на все триста шестьдесят градусов. Для эпизодов, снимаемых в пабе, был создан фактически настоящий паб, стилизованный под середину прошлого века. Во время сенсосъемок никаких режиссеров, операторов, помощников, ассистентов, осветителей поблизости. Только артисты, одетые в старую военную форму или одежду почти восьмидесятилетней давности, которые изображали посетителей и службу. За столами ели настоящую еду, пили настоящие напитки. И я смаковал хороший виски. Шутил с друзьями и непрестанно поглядывал на девушку, сидевшую неподалеку. Она мне очень нравилась. И я не думал о том, что это Маргарет, симпатичная актриса, игравшая роль Памелы. Так бы я испортил съемки. Не-ет. Я не знал ее и страстно хотел познакомиться с ней.

Джон Гриффит, пилот, командир «Flying Fortress», сидящий рядом, заметив мой интерес к девушке, хлопает меня по плечу, негромко произносит:

– Нравится?

– Да, – отвечаю я.

– Чего ты ждешь?

Я поднимаюсь, подхожу к девушке. На моем лице глуповатая улыбка.

– Привет. Можно сесть рядом с вами?

Немного помолчав, она отвечает:

– Можно.

Я опускаюсь на стул, мои глаза устремлены на нее. Вблизи она еще симпатичнее.

– Меня зовут Эндрю, – сообщаю я. – Эндрю Кепшоу.

– А меня – Памела Уолкер. – У нее хорошая улыбка.

– Вы кого-нибудь ждете?

– Да. Подругу.

Я тотчас нахожу, что сказать:

– Давайте, я буду развлекать вас, пока она не придет.

Она стеснительно опускает глаза.

– Ну... если вам хочется.

– Хочется. Вы живете здесь, в Норидже?

– Да.

– И чем вы занимаетесь?

– Работаю на военном заводе. Посчитала нужным помочь родине. А вы, наверно, из Оултона, с аэродрома?

– Да. Но это военная тайна, – добавляю я, понизив голос.

Она понимающе кивает.

– Вы пилот?

– Пилот. – Я бросаю взгляд на Джона и вижу, что он с добродушной улыбкой наблюдает за мной. Идея возникает у меня. – Один момент.

Я поднимаюсь, подлетаю к Джону, шепчу ему на ухо, чтобы не слышали остальные ребята, занятые разговором:

– Она ждет подругу. Если подруга появится, бери ее на себя. Джон, я тебя прошу. Понял? Он вяло кивает в ответ, и я тут же возвращаюсь назад.

– Это ваш приятель? – интересуется Памела.

– Да... Я попросил его не обижаться на меня за то, что оставил его в одиночестве.

– По-моему, он не очень переживает... А где вы жили до войны?

– В Бирмингеме.

– Я там не бывала. Большой город?

– Большой. И красивый.

– Я читала, что там сильные разрушения от немецких бомб.

Тут я посерьезнел.

– Да, это так. Разрушения очень сильные. Проклятые немцы...

Тут я вижу девушку, смешную, курносую, с рыжими волосами. Она смотрит на меня с удивлением, приближаясь к нам с Памелой. Я уже догадался – та самая подруга, которая должна была прийти. Она останавливается в нерешительности перед нами.

– Это Кэти, – поясняет мне Памела. – Мы с ней вместе работаем. Кэти, это Эндрю. Он решил развлечь меня, пока я тебя ожидала.

Кэти осторожно садится за стол. Вид у нее по-прежнему настороженный.

– Мы говорили о Бирмингеме, – сообщает ей Памела. – Там очень большие разрушения от бомбардировок. Когда же они кончатся?

– Королевские воздушные силы стараются препятствовать этому...

И тут появляется Джон. Вежливо здоровается, посмотрев на Памелу, а потом на Кэти, садится на последний свободный стул слева от меня.

– Простите, но я привык, что Эндрю сопровождает меня. Там, – он показывает вверх, – в воздухе. И на земле не могу оставить его надолго в одиночестве. Сразу возникает какое-то беспокойство, – бойко вещает мой друг. – Позвольте представиться. Меня зовут Джон. Я тоже

пилот. Правда, в отличие от Эндрю, я летаю на большом самолете. А знаете, о чем думаешь, когда многие часы находишься в воздухе за штурвалом? О том, чтоб посидеть в уютном ресторанчике, выпить чего-нибудь в компании с другом и милыми девушками, поболтать о чем-то далеком от войны. И вот, представьте себе, это случилось. Мне повезло. – Он делает знак официантке, дождавшись ее, произносит. – Всем пива. – И, глянув по очереди на девушек, добавляет. – Надеюсь, дамы не против?

Я вижу, что он все чаще смотрит на Кэти. Похоже, она ему нравится. Я стараюсь не думать о том, что эта встреча станет началом их любви – я не могу в данный момент знать об этом. Искусство сенсоартиста как раз и заключается в том, чтобы все ощущения были не только яркими, эмоциональными, точными, но и отвечали сюжету. Герой не в состоянии знать то, чего еще не произошло. Поэтому я не мог допустить мысли о будущей любовной истории Джона и Кэти, а тем более о том, что они – артисты, играющие свои роли.

– Стоп! – раздается из динамиков голос Александра Земекиса. – Стоп! Дилан, я не чувствую в твоих ощущениях живого интереса. Ты – молодой парень. Ты видишь девушку, юную, необычную. Ты весь должен восторгнуться. И чем дальше, тем больше твое влечение к ней. Не сексуальный интерес, хотя он тоже есть. Но и предощущение возможности чего-то большого, серьезного. А ты, Бритни, должна почувствовать расположение к Дилану. От него исходит ощущение надежности, хотя он и балагур. Ясно?.. Итак, все сначала.

Мы еще раз отсняли эту сцену и принялись за другую, тоже происходящую в пабе. В фильме она пойдет гораздо позже. По сценарию мы с Памелой станем к тому моменту любящими друг друга людьми.

За столом только я и Памела. Я смотрю на нее с нежностью. Мне приятно сознавать, что с этой девушкой меня связывает многое. Не замечая никого вокруг, мы строим планы на будущее. Война в конце концов кончится, и необходимо думать о мирной жизни.

– Наверно, я вернусь в архитектурный колледж. – Безмятежная улыбка появляется на моем лице. – К сожалению, все забыл. Придется вспоминать. Но профессия хорошая, и после войны будет востребована. Без работы не останусь.

– Я тоже хочу учиться, – мечтательно говорит Памела. – Я хотела бы стать учительницей. Мне всегда это нравилось.

– Думаю, у тебя все получится.

Я глотаю пиво, не спуская с нее глаз.

– И ты не будешь против, если я стану работать в школе?

– Нет.

У нее смущенное лицо:

– Мой отец всегда был против, чтобы мать работала. А до того, как она вышла за него замуж, она была учительницей младших классов. Но это же не какая-нибудь уборщица или горничная.

Я по-прежнему улыбаюсь и молчу. Мне хорошо с ней. Мы допиваем пиво. Я смотрю на часы. Уже поздно. Завтра предстоит полет.

– Пора, – говорю я.

– Ты отвезешь меня?

– Да.

Я кладу деньги на стол, поднимаюсь, жду, когда встанет Памела, направляюсь к выходу. Дверь передо мной.

– Стоп! – слышу я голос Земекиса. – Снято! Джон, Маргарет, все нормально. Вы свободны до вечера. Вечером съемки на улице. Статисты остаются. Сейчас вас пересадят. Дилан, Бритни, сцена с вашим участием. Пожалуйста на съемочную площадку.

Мы с Маргарет покинули паб, оказавшись в павильоне среди большого количества сенсокиношников, занятых какими-то важными делами. Времени, чтобы передохнуть, было достаточно.

– Давай съездим куда-нибудь? – предложил я. – Поедим.

– Я не против, – ответила Маргарет.

Мы не спеша достигли выхода из павильона, потом – стоянки, где сели в мою машину. Вскоре она выехала за пределы студии, покатила по улицам Голливуда.

– У тебя есть парень? – спросил я.

– Есть, – ответила она.

– И как он отнесется к тому, что нам предстоит?

Она неопределенно пожала плечами.

– Он знает, что я сенсоактриса. Мне приходится в разных фильмах сниматься. Роль есть роль.

Она произнесла это без каких-либо эмоций. А мне хотелось того, что нам предстояло. Маргарет – красивая женщина. Хотя и простоватая.

Через несколько минут я остановил машину около ресторана, в котором бывал несколько раз. Мы зашли внутрь, заняли места за столом, расположенным у окна. Я заказал себе сочный стейк и виски с содовой, Маргарет – жареную курицу и джин с тоником.

– Ты не женился? – спросила она, едва официант удалился.

– Нет. Куда мне с такой работой? Все время мотаюсь.

– Но подруга у тебя есть?

– Есть. Встречаемся несколько раз в месяц. Без каких бы то ни было обязательств друг перед другом.

– Зато у тебя есть дочь, – вдруг сказала она.

– Да, – согласился я. – Но видимся мы очень редко. В соответствии с решением суда. Моя бывшая постаралась...

Через несколько часов мы приступили к съемкам следующей сцены. Действие происходит на улицах старого города, построенного уже много лет назад на территории студии. Для съемок их оживили – во многих окнах видны вертикальные полосы света, по тротуарам пойдут немногочисленные прохожие, время от времени будут попадаться едущие и стоящие машины, разумеется, старые, времен Второй мировой.

Мы отрепетировали с Земекисом наш выход из паба, поездку, можно приступать к съемкам. Земекис дает команду.

Я толкаю дверь, удерживаю ее, давая возможность Памеле выйти. На улице темно – поздний вечер. Но фонари не горят: по-прежнему соблюдается светомаскировка. Перед пабом несколько машин, одна из них только подъехала, парочка – военный и женщина – идут к двери. Я надеваю фуражку, направляюсь к машине – той, на которой будто бы приехал сюда. Занимаю место за рулем, Памела садится на слева от меня. Заводится мотор, заполняя салон тихим, приятным рокотом. Я включаю фары. Машина трогается.

Мы едем по вечерним улицам Нориджа среди темных домов, лишь изредка видны светлые вертикальные полосы там, где неплотно прилегают к окнам маскирующие шторы.

Я знаю дорогу к ее дому.

– Останешься на ночь? – спрашивает она.

– Да. Но уеду рано. Завтра полет.

Она молчит некоторое время, потом произносит: – Будь осторожнее, хорошо?

– Хорошо, – отвечаю я, хотя понимаю, что не смогу выполнить обещание.

Сделав очередной поворот и проехав немного, я торможу около одного из домов, двухэтажного, ничем не отличающегося от соседних домов, тесно стоящих друг к другу. Его окна темны.

Мы покидаем машину, подходим к двери, Памела открывает ее, впускает меня внутрь. Теперь она живет здесь одна – отец в армии, занимается снабжением воинских частей, а мать переживает тяжелые времена у сестры в деревне.

Заперев дверь, она берет меня за руку, тянет вглубь дома, к лестнице, ведущей на второй этаж, потом к себе в комнату. Останавливается. Я целую ее. Мы раздеваемся, ложимся в постель. Я ласкаю ее, потом соединяюсь с ней...

Да, мы с Маргарет по-настоящему занимаемся сексом. А как иначе я получу ощущения полового акта? В сенсофильмах никакая имитация невозможна. Всё взаправду. Конечно, эти ощущения останутся только в версии для взрослых. Подросткам будет доступна версия максимум с поцелуями, не более.

– Снято! – звучит голос Земекиса.

Через пару минут появляется он сам, большой, шумный. Мы с Маргарет лежим, сохраняя дистанцию и накрывшись одеялами. Лицо у Земекиса плутоватое.

– Хотел подшутить над вами, – говорит он. – Не сообщать о конце съемки. Вы бы после таких упражнений заснули бы, а утром просыпаетесь – ба! Вы рядом друг с другом. Весело, да? Но так бы вы, не зная о съемке, испортили бы ощущения. Все равно пришлось бы пере-снимать. Идея такая. Вы спите вместе. Утром ты, Джон, просыпаешься раньше ее, в шесть, и пытаешься тихо встать, уйти, но Маргарет чувствует, что тебя нет рядом, тоже просыпается. Ты одеваешься, она тоже. Она хочет проводить тебя. А дальше по сценарию: ты целуешь ее около машины, садишься, заводишь мотор, махнув ей рукой, уезжаешь. А она смотрит тебе вслед. Ясно?

– Да, – отвечаю я и поворачиваю голову к Маргарет. – Придется тебе спать со мной.

– Ну, если я с тобой занималась сексом, могу и поспать, – снисходительно говорит она. Земекис уходит, в доме тишина. Только вот спать мне не хочется.

– Маргарет, ты спишь? – тихо спрашиваю я.

– Нет, – так же тихо звучит ее голос.

– Скажи, ты связываешь с этим фильмом какие-то планы?

Она долго молчит, потом я слышу:

– Хотелось бы получить Оскара за лучшую роль второго плана.

Я понимаю ее: Оскар – новые возможности, и часто новая жизнь.

– Может быть, получишь. – Я стараюсь подбодрить ее. – У тебя есть что сыграть после того, как ты потеряешь меня... А мне понравилось с тобой. Давай повторим, уже как Джон и Маргарет?

– Давай, – легко соглашается она.

И мы повторяем, а потом засыпаем, вконец усталые. И спим в обнимку крепким сном. Но часы в моей голове тикают. И в шесть утра я просыпаюсь. Уже светает. Надо ехать на аэродром. Я – Эндрю Кэпшоу. Мне предстоит боевой вылет.

Я осторожно снимаю с моего плеча руку Памелы, стараюсь тихо встать, так, чтобы не разбудить ее – она еще может поспать. Начинаю одеваться. И вдруг слышу:

– Я не хочу, чтобы ты уезжал.

Поворачиваюсь, вижу ее серые глаза, устремленные на меня. Улыбаюсь ей. Выдыхаю:

– Я должен ехать... Я не могу не ехать.

Памела отбрасывает одеяло и, совсем голая, поднимается. Какая у нее фигура – я люблюсь. Она тоже начинает одеваться.

– Перекусишь? У меня есть хлеб и мармелад.

– Спасибо, меня покормят на аэродроме.

Дождавшись, когда Памела закончит одеваться, я направляюсь к выходу, спускаюсь на первый этаж и вскоре оказываюсь на улице. Тихо, вдалеке шумит какая-то машина. Я смотрю на Памелу, потом обнимаю ее, целую в губы. Смотрю ей в глаза.

– Мне пора, – тихо говорю я.

Выпускаю ее из своих объятий, делаю шаг к машине, покрашенной защитной краской – мне дают ее на аэродроме, – открываю дверцу, сажусь, завожу мотор. Махнув ей рукой, уезжаю. В зеркало я вижу – она неотрывно смотрит мне вслед.

Покрутив по сонным, пустынным улицам городка, я возвращаюсь к тому дому, где будто бы живет Памела. Земекис уже здесь, со своими ассистентами, помощниками. Я подхожу к нему, спрашиваю:

– Все получилось?

– Да, – говорит он. – Вы с Маргарет молодцы. Особенно когда занимались сексом второй раз. Гораздо эмоциональнее, чем в первый.

Я чувствую неловкость, а вслед за тем раздражение.

– Так вы все записывали?

– А ты попросил отключить аппаратуру? Ладно, все нормально. Ваши разговоры выкинем, остальное пойдет в фильм.

– За дополнительную оплату. – Мой голос полон решительности.

– Договорились.

Помолчав, я добавляю:

– Остались съемки в воздухе. И воздушный бой.

– Плюс та сцена, которая перед взлетом, – напоминает Земекис. – Мы снимем ее на аэродроме. А потом вы все идете к самолетам, и в воздух.

– Когда?

– Послезавтра, – с невинным видом произносит он. – В полном соответствии с пожеланиями Дональда. У тебя два дня на окончательную подготовку.

Я вяло киваю в знак согласия. И тотчас обращаюсь к ассистентам, требуя мобильный – мой далеко, в гримерной. Мне дают телефон, и я набираю номер Майкла. Он отвечает не сразу.

– Ты меня разбудил, – слышу я недовольный голос.

– Хватит спать. Послезавтра воздушные съемки.

– У нас все готово.

– Мы с тобой не репетировали.

– У нас два дня.

– А еще я хочу порепетировать с Диланом Дугласом. Завтра он должен быть с нами, – это я говорю Земекису. Тот кивает в знак согласия. И опять Майклу. – Давай просыпайся, и на аэродром.

– Хорошо, – выдыхает он.

Через полтора часа мы встречаемся на аэродроме. Самолеты стоят на краю летного поля, подальше от ангара, который издали не выглядит таким уж большим и современным. Но здесь только «Боинги» и «Спитфайеры», «Фокке-Вульфы» с другой стороны поля. Послезавтра мы не должны их видеть, когда будем взлетать. Для нас они далеко, на континенте, в Германии.

День, проведенный в репетициях боя, проходит быстро. Мы тщательно отрабатываем детали сражения с участием двух каскадеров. Вечером я еду домой – не то чтобы устал, но надо выспаться перед длительной репетицией.

Утром я опять на аэродроме. Вскоре появляется вся команда летчиков. Тридцать три человека. Дилан среди них. Мы еще раз подробно обсуждаем план завтрашних съемок, собравшись в помещении одноэтажного щитового дома.

– «Крепости» летят на дневную бомбардировку окрестностей Дортмунда. Где военные заводы, – напоминаю я. – «Спитфайеры» их сопровождают. Взлетаем, летим в сторону океана, набираем высоту. К океану подходим примерно на тысяча восьмистах метрах, напоминаю, тогда мерили в футах – это шесть тысяч футов, продолжаем набирать высоту, выходим на десять тысяч метров или тридцать три тысячи футов, за это время мы пролетим сто два-

дцать километров – семьдесят пять миль – над водой. Затем поворачиваем, летим к берегу, имитируем полет севернее Английского канала, то есть над Северным морем. С той высоты, на которой мы будем, непонятно, что там внизу, море, океан или что. На сушу выйдем там, где много растительности и небольшие населенные пункты. Вроде как в Голландии. Пролетев над сушей триста километров – сто восемьдесят пять миль, – мы окажемся на подступах к Дортмунду. И тут нас атакуют «Фокке-Вульфы». Я вступаю с ними в бой, а «Боинги» и мои напарники на истребителях летят дальше. «Крепости» сбросят макеты бомб на макеты цехов, а на земле будет имитация взрывов. Затем обратный полет с коротким выходом над океаном, посадка трех бомбардировщиков и двух истребителей. А я сяду загодя, и мой самолет спрячут. Как и «Фокке-Вульфы». На этом всё... Полет долгий, потом из него нарежут фрагменты, которые вставят в разные сцены. Так что мы этими съемками убьем несколько зайцев. – Я оглядываю сидящих передо мной мужчин. – Каждый знает, что он делает и когда? – Все кивают, некоторые говорят: «Да». Я поднимаю руку ладонью вперед. – Прекрасно. Теперь с вами поработает Майкл. А я прошу экипаж Дилана через пять минут собраться у самолета. Совершим тренировочный полет.

Оставив Майкла с остальными участниками съемок, я иду переодеться. Вскоре, одетый в комбинезон, выхожу на улицу. Смотрю на небо – погода хорошая, как и обещали метеорологи. Можно лететь.

Перед самолетом стоят, выстроившись, девять человек. Экипаж «Крепости». Пилот, штурман, второй пилот, бомбардир, радиооператор, четыре стрелка. Все в теплых комбинезонах и лётных шлемах. Слева – Дилан. Ему и эта форма к лицу.

– Вам предстоит тренировочный вылет, – громко говорю я. – Но будет вестись сенсозапись. Какие-то фрагменты могут войти в фильм. Так что ведите себя соответствующим образом. – Я подхожу к Дилану, показываю ему и стоящему рядом штурману карту. Нам нельзя пользоваться электронными планшетами, если мы изображаем пилотов давней поры. – Взлет и набор высоты такие же, как завтра. А потом полное воспроизведение завтрашнего полета над сушей. Над континентом. Не забывайте, – обращаюсь я ко всем, – англичане зовут Европу континентом. И там сначала под вами будет оккупированная Голландия, а потом Германия. – Я передаю карту штурману и обращаюсь к Дилану. – Летим. Командуй.

– Экипаж, занять места, – разлетается по округе звучный голос.

Шеренга рассыпается. Все идут тесной группой к задней двери, которая с правой стороны фюзеляжа – через нее удобнее всего заходить в «Крепость». Забравшись в самолет, я вслед за Диланом по узкому мостику-трапу, проходящему по центру бомбоотсека, пробираюсь в переднюю кабину, устраиваюсь рядом с бортмехаником, который сидит позади пилотов, а те, в свою очередь, позади штурмана и бомбардира, занимающих штурманский отсек в носу «Боинга».

Все расселись по своим местам. Дилан, занимающий левое кресло, просит членов экипажа подтвердить готовность, выслушав прозвучавшие по очереди доклады, дает команду на запуск двигателей.

Сегодня мой летный шлем отличается от тех, которые на членах экипажа. Начинкой. Он позволяет получать ощущения Дилана. Я включаю его, надеваю по самый рот, дабы отключить собственное зрение. Теперь я смотрю глазами Дилана, ощущаю его эмоции. С этой целью я и хотел сегодня отправиться в полет.

Он смотрит на приборы, те, что справа на доске: двигатели работают нормально. На остальных тоже всё в норме.

– Башня, мы готовы, – произносит Дилан. – Разрешите взлет.

– Взлет разрешаю, – звучит в наушниках голос диспетчера.

Дилан протягивает руку к рычагам изменения шага винтов, и как только те начинают захватывать воздух, вгрызаться в него, тяжелый самолет трогается, катит по рулежной дорожке в сторону взлетно-посадочной полосы. Я внимательно слежу за ощущениями Дилана – он спо-

коен, уверен в себе. Самолет подъезжает к концу полосы, замирает. Дилан выпускает закрылки во взлетное положение.

– Даю взлетный режим! – сообщает он и переводит рычаги, регулирующие газ, на максимум. Ревут двигатели, «Крепость» трогается, все быстрее бежит по обеим сторонам летное поле.

– Скорость отрыва, – громко сообщает второй пилот.

Я чувствую некоторую неуверенность у Гриффита. Он будто сомневается, что самолет готов оторваться от земли, тянет на себя штурвал как-то нерешительно. «Крепость» нехотя взлетает, начинает карабкаться вверх. Всё выше и выше. Перед глазами только синее небо. Взгляду не за что зацепиться.

У Джона Гриффита появляется ощущение, будто самолет повис и никуда не движется. Он с опаской бросает взгляд на приборы – вроде бы всё в порядке: нос поднят вверх, крылья расположены горизонтально по отношению к земле, скорость двести сорок миль в час, высота две тысячи шестьсот футов.

– Поворот вправо на двадцать пять градусов, – долетает спереди голос штурмана.

– Вправо на двадцать пять, – повторяет Гриффит и поворачивает штурвал вправо. Самолет наклоняется на правое крыло. Нажимая на левую педаль и отпуская правую, Джон заставляет самолет поворачивать. При этом он с опаской смотрит на компас. Он боится промахнуться. Закончил поворот на двадцати трех, потом принялся ловить эти два градуса и взял еще два лишних. Он видит это, и досада берет его, а тут еще штурман сообщает:

– Двадцать семь вышло.

Теперь уже наклон влево, небольшой доворот. Получилось. Он чувствует себя спокойнее.

Самолет продолжает упрямо набирать высоту. Гриффит наклоняется влево, к остеклению кабины, смотрит вниз – там видна водная поверхность. Северное море.

Высота шесть тысяч футов. Осталось одолеть еще двадцать семь тысяч, развернуться, и можно будет включить автопилот.

– Стрелкам быть внимательнее, – предупреждает Гриффит. – Возможны атаки немецких истребителей... Уильям, ты не замерз? – Это он хвостовому стрелку, занимающему самый продуваемый отсек.

– Пока нет, сэр, – бойко звучит в наушниках высокий голос.

Гриффит осматривает воздушное пространство перед самолетом – легкая дымка, и всё. Он смотрит на второго пилота, чрезвычайно мрачного. Обращается к нему.

– Дэвид, ты какой-то молчаливый сегодня.

Тот не сразу поворачивает голову налево.

– У меня неприятности... Вчера получил письмо, что при бомбардировке Лондона погибла моя старшая сестра.

Гриффит сконфужен.

– Я соболезную... Почему ты не сказал?

– Мы с тобой не виделись. Тебя не было вечером на аэродроме.

Это правда, он провел вечер и ночь с Кэти...

Наполненная ровным гулом двигателей тишина воцаряется в кабине. Гриффит смотрит на высотомер – двенадцать тысяч футов. Выше будут проблемы с дыханием. Он должен отдать команду.

– Гарольд, открой кислород. Всем надеть кислородные маски.

Я тоже надеваю маску, приподняв для этого шлем, подключаю шланг к резервному крану системы кислородного питания.

Вновь монотонный гул, выцветшее, голубоватое небо перед глазами, и больше ничего. Только приборы подтверждают, что самолет продолжает карабкаться вверх. Двадцать тысяч футов... Двадцать пять... Время будто застыло. Тридцать тысяч. Осталось совсем немного.

Наконец высотомер показывает тридцать две тысячи девятьсот футов. Пора переходить на горизонтальный полет. Он перестает тянуть штурвал на себя.

– Мы на заданной высоте, – сообщает он.

– Вижу, – раздается голос штурмана. – Приготовиться к развороту... Разворот на сто семьдесят градусов. Курс на три часа.

Гриффит вновь наклоняет самолет вправо, нажимает на левую педаль. На этот раз он абсолютно спокоен, следит за компасом, завершает разворот ровнехонько на три часа. Он доволен. Включает автопилот. Теперь можно расслабиться.

– Уильям, как ты? Замерз?

– Нет, сэр. Но пришлось включить подогрев.

– Будь внимательнее.

– Хорошо, сэр.

Гриффит смотрит на Дэвида – тот по-прежнему задумчив, его взгляд устремлен вперед. Джон протягивает руку, трогает Дэвида за плечо:

– Дэвид, я пойду отолью. И ребят навещу. Присмотри тут.

– Да, – Дэвид кивает.

Взяв переносный дыхательный прибор, Гриффит покидает кресло. Сначала он заглядывает в люк, ведущий в самый нос, где сидят штурман и бомбардир.

– Как вы, ребята?

– Все нормально.

– Курс выдерживаем?

– Да.

Гриффит распрямляется, повернувшись, оказывается в проходе, который я уже освободил. Обращается к бортмеханику:

– Двигатели работают нормально?

– Да, сэр.

Кивнув, Гриффит ступает на мостик-трап, справа и слева от которого притаились бомбы, а дальше рубка радиста, короткий разговор с ним – у него тоже все в порядке. В следующем отсеке, большом, холодно. Здесь открытые окна, в которые выставлены крупнокалиберные пулеметы. Сидящие за ними бортовые стрелки замечают его не сразу. Гриффит похлопывает по плечу сначала одного, потом другого.

– Парни, внимательнее.

Они кивают. Туалет по пути к хвостовому стрелку. Джон заходит справить нужду, Потом заглядывает в лаз, который ведет в кабину хвостового стрелка. Ему неохота лезть туда. Он поворачивает назад.

Едва Гриффит возвращается в свое кресло, раздается голос штурмана:

– Мы над сушей. Джон, доверни на три градуса влево.

Гриффит смотрит на Дэвида:

– Выполняй маневр.

Кивнув, тот отключает автопилот, немного накреняет самолет, доворачивает. Курс подправлен. И опять наступает момент, когда кажется, что ничего не происходит. Нет ни движения, ни окружающего пространства, только этот самолет, пребывающий неизвестно где и зачем. А потом вдруг выясняется, что прошло уже около часа, и «Крепость» на подступах к цели. И тут невесть откуда возникает пара немецких истребителей, которые атакуют бомбардировщик.

Гриффит слышит, как работают пулеметы. Ближе всех тот, который позади него и сверху – за ним сейчас Гарольд, бортмеханик.

Кажется, что сражение не закончится, – «Фокке-Вульфы» продолжают наседать. Но им не удается подбить бомбардировщик, как и заставить его повернуть.

– Вышли на цель, – сообщает штурман.

Теперь управление берет на себя бомбардир. Гриффит снимает ноги с педалей и отпускает штурвал. Бомбардир ловит цель в перекрестии визира, запускает автомат, который устраняет отклонение от расчетного курса, в нужный момент открывает бомболюки. После этого Гриффит опять берет управление на себя. «Крепость» делает разворот и ложится на обратный курс...

Когда самолет садится и заруливает на стоянку, я вместе с остальными выбираюсь на летное поле. Признаться, я чувствую усталость, хотя не сидел весь долгий полет на пилотском месте. Впрочем, быть может, поэтому и устал. Тесной группой мы не спеша идем туда, где можно переодеться и где находятся наши машины. Я пристраиваюсь к Дилану. Говорю так, чтобы слышал только он:

– Вначале ты был несколько неуверен в себе. Когда взлетали и набирали высоту. Я не видел опытного пилота. А потом все наладилось. Сегодняшние съемки пригодятся для фильма. Я в этом не сомневаюсь. Хотя главным было потренироваться. А завтра... не помешает немного наглости. В случае чего тебя подстрахуют. Есть кому. Понял? Немного наглости.

– Хорошо, – говорит он. – Спасибо.

Дилан – хороший сенсоактер. Проблема в том, что он не слишком опытный пилот. Но я уверен, что завтра он сыграет лучше, чем сегодня.

Коротко переговорив с Майклом насчет завтрашних съемок, я отправляюсь домой. Как раз в дороге меня застает звонок Лиз.

– Приедешь? – спрашивает она.

– Да, – отвечаю я. – Но не сегодня. Завтра. У меня утром важные съемки. Мне надо хорошо выспаться. А завтра вечером мы посидим в ресторане, а потом поедem. К тебе или ко мне. Там решим.

– Договорились, – соглашается Лиз. – До завтрашнего вечера. И постарайся не угробить себя. Это меня очень расстроит. Будь осторожнее. Не рискуй.

– Хорошо...

Как я могу не рисковать? Я – сенсохантер. Риск – неотъемлемая часть моего существования. Мой отец долгие годы работал скучным клерком в банке. Я удивлялся ему, его жизни, в которой ничего не происходило. И с самого детства знал, что должен прожить другую жизнь.

Придя домой, я тотчас заваливаюсь спать. Рано утром вскакиваю бодрым, энергичным. Я готов к съемкам, быть может, самым важным в моей жизни.

Я появляюсь на аэродроме загодя. Здесь пока еще тихо и пустынно. Самолеты стоят в ожидании работы. Вскоре приезжает Майкл. Мы в последний раз обсуждаем детали предстоящего полета и боя. Постепенно появляются остальные участники съемки, потом приносится Земекис в сопровождении своих ассистентов и помощников.

– Джон, привет, – говорит он, протягивая руку. – Что скажешь мне? Парни готовы или надо еще тренироваться?

– Парни готовы, – отвечаю я.

– Прекрасно. – Он поворачивается к стоящим рядом людям. – Начинаем.

Всё приходит в движение. Мы переодеваемся, гримеры наносят небольшой грим – иного сейчас не бывает, – подправляют прически. Появляются участники массовки, призванные наполнить аэродром жизнью: охранники, водители, штабные служащие. Возникает та атмосфера, которую я обожаю – атмосфера прошлой, давно ушедшей жизни. Она бывает трогательной, милой, терпкой, порой горькой, но она манит. Потому что несет в себе некую правду, столь важную нам.

– Начали, – раздается голос Земекиса.

Короткое совещание перед вылетом. В комнате штаба сидят экипажи. Майор Джексон, высокий, громоздкий, с неприступным видом, хотя форма на нем сидит неважно, ставит нам

задачу – подвергнуть бомбардировке заводы в окрестностях Дортмунда. Полет на тридцати трех тысячах футов. Летят три «Крепости». Их сопровождают три «Спитфайера», задача которых не подпустить к бомбардировщикам немецкие истребители.

– По самолетам, господа, – заканчивает майор. – Да поможет вам Бог.

Все с шумом поднимаются. Я выхожу из штаба вслед за Джоном Гриффитом. Нам по пути – наши самолеты стоят неподалеку друг от друга.

– Кто-то не ночевал сегодня на аэродроме, – шутливо замечает Джон.

– И от кого я это слышу? От того, кто сам ночевал неизвестно где.

– Положим, я ночевал известно где. И потом, я – другое дело. У меня есть второй пилот и автопилот. Я могу вздремнуть в полете. А ты один.

– Ничего, справлюсь, – заверяю его я.

– Опять будешь всю дорогу висеть рядом?

– А что делать, если ты не можешь защитить себя сам?

– Я не могу?! Я могу. У меня уйма пулеметов. Просто надо было найти тебе дело, чтобы ты и твои ребята не остались без работы.

– Ах, вот как!? Смотри, не будем пить вечером пиво.

– Это – запрещенный прием, – деланно возмущается Гриффит.

Тут мы расходимся – мне направо, туда, где выстроились «Спитфайеры». Около моего самолета стоит техник. Я выслушиваю его рапорт.

– Всё готово, сэр. Самолет заправлен, боеприпасы заряжены, все системы проверены. Можете лететь.

– Спасибо. – Я лезу в самолет, устраиваюсь на сиденье, начинаю включать тумблеры. Рядом раздается оглушительный рокот – кто-то первым запустил мотор.

Вскоре и мой двигатель оживает, добавляет рева, принимается неустанно вращать винт. Я смотрю на приборы – показатели в норме. Закрываю фонарь.

Мы взлетаем, сначала «Крепости», одна за другой, потом «Спитфайеры», сразу все трое. Набираем высоту. Под нами Северное море.

Мой и еще два «Спитфайера» летят рядом с громоздкими четырехмоторными «Крепостями». Среди них самолет с индексами ВUJ – его пилотирует Джон Гриффит, мой друг. Я подлетаю поближе, машу ему рукой. Он отвечает мне.

Время бежит гораздо быстрее, когда сам управляешь самолетом. Оставив позади Северное море, пролетев Голландию, мы оказываемся над Германией. Внизу вражеская территория. Теперь вероятность появления немецких истребителей гораздо выше. Я настороже, непрерывно осматриваю окружающее пространство. Невозможно предугадать, откуда они появятся.

Я замечаю две темные точки справа по курсу. Они увеличиваются. Никаких сомнений – нас пытаются перехватить.

– Вражеские самолеты справа по курсу! – кричу я. Теперь можно нарушить режим радиомолчания.

Нас атакует пара «Фокке-Вульфов». Хорошие самолеты. Но мой истребитель превосходит их по высотности. А они летят почти на пределе. Этим я смогу воспользоваться. Что ждет нас впереди, неизвестно. Возможны новые атаки.

– Продолжайте сопровождать бомбардировщики, – говорю я напарникам. – Я займусь этими двумя.

Никто не возражает. Я – опытный пилот, имею богатый опыт «свободной охоты». Резко увеличив скорость, я доворачиваю вправо с набором высоты. Атаковать сверху лучше всего. Сделав горку, я сваливаюсь на «Фокке-Вульфы». Еще немного, и я подобью один из вражеских истребителей. Но тут боковым зрением я замечаю какое-то движение сверху справа. Повернув голову, я вижу третий самолет, который заходит на меня. Позабыв о выбранной цели, делаю крутой вираж с набором высоты. Я хочу получить преимущество в высоте и зайти в хвост

этому третьему, взявшемуся неизвестно откуда. Но он прицепился ко мне и повторяет все мои эволюции. Я понимаю, что это опытный пилот. Стоит мне зазеваться, и он подобьет меня. Непрерывные повороты не дают ему прицелиться.

Я все-таки отрываюсь от него, за счет высотности «Спитфайера», но совсем выйти из боя нельзя – они полетят вслед за моими товарищами, и этот прыткий немец вполне может сбить «Крепость». Я возвращаюсь, стараюсь сесть ему на хвост, и это удается мне, теперь он совершает постоянные маневры, не позволяя захватить его в прицел и нажать гашетки. И тут я вижу, что те двое, гораздо менее опытные летчики, пытаются подловить меня на выходе из виражей. Откуда такая прыть? Я понимаю: ас дает им указания по радио и старается выводить меня под их пушки. Надо быть осторожнее.

Один из менее опытных подставляется в какой-то момент. Я не могу устоять – ловлю его в прицел, жму гашетки. «Фокке-Вульф» подбит. Я тут же понимаю, что совершил ошибку: отвлекся, дав возможность главному сопернику занять выгодную позицию. Я вижу, как на левом крыле совсем близко от фюзеляжа возникают рваные дыры – следы попадания снарядов, слышу взрывы позади. И еще один взрыв впереди, в области мотора. Он останавливается, винт замирает. Самолет начинает падать.

Получилось глупо – нельзя было забывать о главном противнике. Теперь ничего не поправить. Истребитель не слушается рулей. Надо прыгать. Я пытаюсь открыть фонарь. И не могу. Взрыв сзади что-то повредил. Мне суждено погибнуть...

Высота все меньше. Теперь уже не до съемок. Пора покинуть самолет. Я со всей силы дергаю ручку, сдвигающую подвижную часть фонаря. Не получается. Взрыв на самом деле что-то повредил. Мы с Майклом не подумали о таком варианте. Я дергаю за ручку вновь и вновь. Никакого результата. Бью по остеклению кулаком. Бесполезно. Современное бронестекло.

Мой «Спитфайер» несется к земле. Я понимаю, что погибну по-настоящему. За какие-то доли секунды успеваю подумать о дочери, о Лиз, которая надеется увидеть меня вечером, о Дональде, мудро настоявшем на мирных съемках до воздушных боев, о том, что теперь я надолго останусь лучшим сенсохантером. И вдруг осознаю: я же порчу уникальную сенсозапись. Я начинаю думать о Памеле, о моих боевых товарищах, не без моей помощи достигших Дортмунда, об Англии, за которую я храбро сражался и за которую сейчас погибну.

Земля стремительно надвигается. Миг. Все исчезает...

Глава 3. Радость ощущизма

Рассказ сенсомана

У каждого своя функция. Один открывает законы природы, изобретает, другой выпускает продукцию, используя свежие открытия и достижения конструкторской мысли, третий объясняет, почему надо покупать эту продукцию. А четвертый... Четвертый организует ее поклонников, создает сообщество сторонников, фан-клуб. И кто скажет, чья функция важнее? Да, без ученых, изобретателей ничего бы не было, но смогли бы они творить, если бы государство или частные компании не давали на это деньги? А чтобы они давали деньги, население должно покупать товары и услуги. А для этого необходимы рекламные агенты. Пока нет рекламы, товара фактически не существует, каким бы восхитительным он ни был. Но для полного триумфа нужны еще и поклонники этих товаров. Горячие фаны, движимые любовью и обожанием. А они появляются благодаря инициативным людям, основателям фан-движений и фан-клубов, которые сплывают убежденных поклонников и указывают путь тем, кто может стать фаном, но еще не является им.

Хорошо сказано? Еще бы. Я собаку съел на выступлениях. Произносить речи – мое хобби. Особенно если это речи в защиту ощущизма.

Я не сразу понял, что ощущизм – то, чему я должен посвятить себя. Но, как только пришло озарение, я сделал все, чтобы реализовать открывшиеся возможности. И не прогадал. Не упустил свой шанс.

Мой город – Рига. Я тут родился, вырос. Я тут живу. Мне давно знакомо переплетение рижских улиц, я помню последовательность домов, стоящих на них, лицо каждого дома. Я чувствую особый дух, витающий здесь, на этих улицах, особенно в той части, которая зовется Vecrīga – самой старой части города. По-русски звучит: Вецрига. Там легко ощутить прошлое, иную жизнь, что была за сотни лет до нас, иное время. А для меня всё это важно.

Я считаю Латвию моей родиной. Хотя хватает тех, для кого я – оккупант, сын оккупанта. И вроде как не имею права считаться здесь своим. Мой отец был военным. Думал ли он, получая двадцать пять лет назад молодым лейтенантом назначение в Ригу, что в начале девяностых станет в Латвии оккупантом? Конечно же, нет. А если бы и узнал каким-то чудесным образом, не смог бы отказаться: военные – люди подневольные.

Когда разрушился Советский Союз, отец был поставлен перед нелегким выбором: продолжить службу и уехать в Россию, с неясными перспективами собственного будущего, без гарантий получения жилья, или выйти в отставку и остаться там, где у него была квартира, где вырос его сын. Отец выбрал второе. Так наша семья окончательно связала свою судьбу с Латвией.

Я ходил в русскую школу, которых тогда, при СССР, было не меньше, чем латышских. Помимо всего прочего, нас учили и латышскому языку. Но я был одним из немногих, кто на самом деле старался выучить язык тех, на чьей земле оказался волею начальства или случая. Подавляющее большинство моих одноклассников считали, что если это Советский Союз, то все должны говорить по-русски.

Моя школьная жизнь мало отличалась от той, что протекала в России или на Украине. Те же проблемы и радости.

В девятом классе я влюбился в девочку из параллельного класса. Она была отличницей, занималась гимнастикой. Звали ее Алла. Поначалу я стеснялся подходить к ней, только на переменах смотрел на нее, но так, чтобы никто не заметил. Потом решился и как-то после уроков догнал ее на улице, дико волнуясь, произнес:

– Меня зовут Витя.

– Я знаю, – спокойно сообщила она.

– Откуда? – искренне удивился я.

– Знаю, – как само собой разумеющееся, сказала она.

Я смутился – выходит, она обращала на меня внимание. Не без труда выдавил:

– Можно, я тебя провожу?

– По-моему, ты уже провожаешь.

– Ну... вдруг тебе... не хочется.

– Провожай, – доброжелательно позволила она.

Это было маленькой победой. Я лихорадочно думал, о чем с ней говорить? О том, что происходит в школе? Или за ее пределами? И тут я выдал ни с того, ни с сего:

– Петька Рубаков из нашего класса ходит в секцию по борьбе, а я все равно кладу его на лопатки.

Она подумала над услышанным и вдруг спросила: – А двоек у тебя много?

– Бывают, – уклончиво ответил я.

– А пятерки?

– Тоже бывают.

– А у меня одни пятерки, – не без назидания сказала она.

– Девочки могут быть отличницами, – пренебрежительно заметил я. – А мальчики-отличники – это зубрилы. А зубрила... – Я безнадежно махнул рукой. – Сама понимаешь.

Вскоре случилось событие, сделавшее меня центром внимания в школе на некоторое время. В нашем классе не состоялся урок по причине болезни учительницы математики. Нам приказано было прочесть следующую главу учебника и порешать контрольные задачи. Конечно, этим никто не занимался. Девчонки болтали, а мы начали носиться по классу и кидаться учебниками. Так получилось, что когда один из учебников был в полете и направлялся как раз в сторону двери, она раскрылась, в класс вошел директор Калашников, и книга ровнехонько попала ему в живот, который вполне честно можно было назвать пузом. Директор опешил, книга за это время успела упасть на пол. Он с трудом наклонился, поднял учебник, потряс им, оглядывая класс мрачным взглядом.

– Кто бросил?!

Тишина разлилась между партами. Стали слышны звуки, доносившиеся с улицы – урчание моторов, редкие гудки.

– Я спрашиваю, кто бросил? – вновь прокатилось по классу.

И опять ни слова в ответ. Я отводил глаза и видел, что все остальные поступают так же. Калашников положил учебник на ближайшую парту.

– Хорошо, вы не покинете класс, пока не сознается тот, кто бросил книгу. Или кто-то другой не скажет мне, кто это сделал. Будете сидеть хоть до завтрашнего дня.

Он повернулся и важно вышел, но дверь оставил открытой.

Признаться, я не знал, кто бросил злополучную книгу. В пылу шуточной потасовки я был занят чем-то другим. Но если бы знал, как и другие, молчал бы. Выдать одноклассника – покрыть себя страшным позором. Хотя дело происходило в Латвии, отношение к власти было такое же, как в России: сотрудничать с властью против кого-то, стучать, доносить считалось последним делом. Наверно, потому, что Латвия, хоть и с опозданием, но тоже узнала, что такое арест, лагерный срок, а то и расстрел по доносу соседа, который позарился на твою комнату, сослуживца, которому кажется, что ты перешел ему дорогу; что означает высылка неблагонадежных целыми семьями в Сибирь. И тут, на латвийской земле, успели хлебнуть советской действительности сталинских времен.

Мы сидели довольно долго, не покидая парт. Прозвенел звонок, началась перемена. Мы слышали доносившийся из коридора шум, видели проходивших и пронесившихся мимо дверей учеников. Потом перемена закончилась, а мы всё сидели. Наше коллективное заточение

порядком начинало тяготить меня, прежде всего своей неопределенностью. И я, желая дать разрядку, довольно громко, впервые нарушая относительную тишину, проговорил:

– Если вы скинетесь по три рубля каждый, я скажу, что это я бросил, и мы пойдем по домам.

Я выдал это в шутку. Честно говоря, я не верил, что мои одноклассники станут собирать деньги, чтобы поскорее освободиться. Но то, что произошло дальше, оказалось неожиданно для всех, а прежде всего – для меня. В класс ворвался Калашников, который, судя по всему, находился рядом с классом и подслушивал. Вид у него был разгневанный.

– Что ты сказал?! – выпалил он. – Что ты сказал?! Встань, когда с тобой говорит директор. – Я медленно поднялся. – Ты понимаешь, что сказал? Разве советский школьник может сказать такое?! Ты советский школьник? – Я растерянно пожал плечами. – В какой семье ты растешь? Какие книги читаешь?

Сомнение относительно порядочности моих родителей разозлило меня, и я, не долго думая, ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.